

84(4Фр) Р-8.

ЛУИ РУБО

Louis Roubaud

Ч/З

ДЕТИ КАЙНА

(Les enfants de Caïn)

Перевод с французского

О. К. НЕЧАЕВОЙ

ЧИТ. ЗАЛ

Проверено 156 Г.

Издательство «МыСЛь»
ЛЕНИНГРАД

Обложка
работы художника
В. Тронова.

1945

Ленинградский Гублит № 8226. Тираж 5000 экз. — 9.

Гос. уч.-пр. школа-типография им. тов Алексеева. Ленинград, Красная, 1.

«Тут был особый мир, ни на что не похожий... заживо мертвый дом, и люди особенные».

Достоевский.

„Записки из Мертвого дома“.

Обитатели Мертвого Дома пришли туда разными путями.

Они говорили: «Не умели жить на воле...» «Чорт троек лаптей спосил, прежде чем собрал нас в одну кучу...»

Но я только-что видел в специальных школах детей, которые никогда не станут людьми. Их выбросили из жизни и делают все, чтобы они никогда не могли к ней вернуться: они обречены навсегда оставаться мертвыми.

Э Й С

У МЕНЯ ЧЕТЫРЕ ПРИЯТЕЛЯ

Вильнев-сюр-Ло, сеptябрь.

У меня четыре приятеля в исправительной колонии в Эйсе...

Первый делает сетки от мух.

Второй штопает и чинит белье.

Третий обучается столярному мастерству.

Четвертый сидит в карцере.

Я хочу их вам представить, хотя наши отношения очень случайны и наша дружба совсем недавнего происхождения.

Труве (Фредерик) впервые предстал передо мной, стоя на вытяжку, руки по швам, как исправный солдатик, застигнутый врасплох ревизующим генералом. Голубые глаза, освещавшие лицо робкого мальчугана, избегали моего взгляда. Полные щечки, волосы будут черные, когда это позволит машинка.

— По местам... смирно!

Командует сторож в синем мундире с красными звездами на воротнике.

Молодые работники застыают перед столами, на которых нагромождены клубки веревок.

Окна позволяют судить о безнадежной толщине стен.

И стены, вымазанные известкой, создают впечатление белого склепа.

Вот как местный поэт, посвятивший свое произведение «Нашей достопочтенной обезьяне», описывает эту работу :

Вот звон раздался благозвучный,
Но слуху нашему докучный:
Гласит сегодня, как вчера,
Что сетки делать нам пора.
Труд этот свойство то имеет,
Что всякий от него дуреет.

— Вольно! Продолжать работу...

Труве (Фредерик) показывает мне свою работу. Это нечто в роде сетки с бахромой... чтобы предохранить лошадей от мух.

— Дело налаживается?..

— Да, г-н директор...

— Глупости оставил?..

— Да, г-н директор.

Почему этот пятнадцатилетний мальчик делает веревочные сети?

Еще совсем недавно он обучался в сапожной мастерской.

Один из товарищей провинился перед ним, а на него находят приступы бешенства. Сапожные инструменты могут оказаться смертельным оружием. Здесь, при сетках, он имеет под рукой одни веревки.

За что он попал в Эйс?

Он прислан из Белильской пенитенциарной колонии. Там воспитанники работают в полях, без всяких оград. Он дважды, трижды пытался сбежать. Они не могут уйти далеко, море окружает со всех сторон, и когда не умешь управлять лодкой... Затретий побег полагается высшее наказание: исправительное отделение в Эйсе.

А до исправительной колонии в Белиле?

Это питомец попечительства. Его поместили в крестьянскую семью. Он с ними не ужился, у него дурной характер...

А раньше?

Фредерика Труве в возрасте около двух лет подобрал на одной из парижских улиц полицейский и отвел его в участок.

Вот его происхождение... и его преступление.

— 1 —

Второй мой приятель, Поль Булен, маленький штопальщик, чинит рубашки и штаны из грубого полотна в такой же мастерской под надзором такого же синего сторожа.

Он прислан из Сен-Мориса за непослушание. Туда он был отправлен за воровство с витрины. Суд оправдал его, как действовавшего без разумения, его вернули бы матери, но она как-раз оказалась арестованной за подобное же преступление.

Поль Булен — угрюмый рыжий мальчишка.

— Стой как следует перед г-ном директором.

Он выпрямляется.

Я не могу рассмотреть его глаз. На его совести тяготеет какое-то преступление.

Быть может, он смеялся в дортуаре? Или передал записку из одной мастерской в другую? Или, недовольный своей слишком длинной курткой, разорвал ее в надежде получить другую, более подходящую по росту? Не запрятал ли он окурков в своих сапогах?

Нет, Поль Булен испытывает смутное ощущение вины.

Как он может верить в свое оправдание, если он ест те же бобы, что и его осужденные товарищи (красивые за обедом, белые вечером), если он проводит свой двенадцатичасовой рабочий день в том же тягостном молчании, если он подчинен тем же законам, тем же утеснениям.

Он вправе повесить голову.

Ребенок повинен в том, что мать его находится в тюрьме.

* * *

Мой третий приятель, Жан Риго, похож на маленького нищего Мурильо. У него прекрасные печальные глаза и бледное лицо.

Его отец был раздавлен машиной во время работы, мать не удовольствовалась пенссией и связалась с каким-то сомнительным субъектом, бросив мальчика на набережных Марселя.

Г-жа Риго была лишена материнских прав, а Жан передан патронажу.

Учреждения, опекающие «遗弃的儿童», «преступного ребенка», занимающиеся «возрождением», «перевоспитанием», умножаются с каждым годом.

Закон 1912 года ассигнует им 2 фр. 50 сант. в день на ребенка. Патронажи ставят детей на работу и обращают их заработка в свою пользу.

Благотворительность является, в сущности, очень выгодным промыслом.

Жан Риго был помещен к столяру: он подметал, подбирал стружки и бегал по поручениям. Его охватила тоска по марсельскому порту, по просаленным мешкам, откуда всегда сыплются вкусные фисташки.

Теперь он строгает доски в мастерской исправительной колонии.

Разве он не заслужил наказания?

年 年
★

Роберт Гишар, мой четвертый приятель, пользуется на некоторое время отдельным помещением. Гостиница, где он находится, состоит из большого зала, в который выходят все комнаты.

Гишар в 18 номере. За первой деревянной дверью следует вторая, решетчатая.

— Откройте решетку!

Мой друг стоит навытяжку. Это высокий парень, белокурый, крепкий и широкоплечий.

— Вольно!.. Ну что же, ты теперь в лучшем расположении?

— Да, г-н директор...

— Ты хочешь вернуться в башмачную?

— Да, г-н директор.

— Посмотрим! Но ты мне дал обещание: когда г-н надзиратель или г-н воспитатель делают тебе замечание, ты не должен отвечать дерзостями.

Мой друг опускает свой упрямый лоб. Ему здесь плохо. В карцере нет никакой мебели, ни одного стула, и он принужден стоять целыми днями. Окно с железной решеткой так высоко, что не видно даже неба.

— А твоя сетка?

— Я кончу ее сегодня.

— Если кончишь сегодня вечером, я верну тебя в башмачную.

— Благодарю вас, г-н директор.

— До свидания!

Сторож запирает решетчатую дверь, затем деревянную.

Гишар остается один за двойными дверьми, за двойными запорами. Окончив сетку, он будет размышлять.

Его непослушание навлекало на него целую серию замечаний и легких наказаний: его сажали на сухой

хлеб, а то и заставляли стоять неподвижно у стенки.

На днях г-н воспитатель сделал попытку устыдить его.

— Гишар, ты не должен бы забывать, за что ты здесь. Ты убил своего отца, Гишар!

— Да, г-н воспитатель.

— И ты изрубил его труп.

При этих словах мой друг возмутился:

— Это неправда!

Он побледнел и бросил в лицо наставнику целый поток отборных ругательств.

Успокоившись после несколькис дней карцера, он объяснил:

— Я не могу позволить говорить неправду: я его не изрубил, а только разрубил пополам.

Он приговорен к двенадцати годам и выйдет из колонии только на тридцатом году.

* * *

Я не случайно представил вам моих новых друзей. Это типичные представители всего населения детских исправительных колоний, которые я думаю посетить в течение этого месяца.

Там я найду питомцев общественной благотворительности, которые обнаружили дурной характер: маленьких воришек, оправданных судом, но не имеющих солидных родственников, детей из патронажей, которые не оценили их попечений и злоупотребили

условной свободой. Наконец, настоящих преступников... сумасшедших.

Быть может, я не увижу «детской каторги», быть может, не встречу палачей.

Но передо мною раскрывается бездна детского страдания.

С Е Т К И

Вильнев-сюр-Ло, сентябрь.

Хорошенький несуразный городок с извилистыми переулками и несколькими широкими улицами, на которые высыпались террасы многочисленных кафе.

Я должен идти по большой дороге до первой капитановой аллеи и по каштановой аллее до бенедиктинского аббатства.

В течение шести веков монахи завоевывали себе небо, твердя свои молитвы среди мертвотишины монастыря и переписывая ученые труды разноцветными чернилами на вечных пергаментах.

В XI году, в один из дней фруктидора, келии до-
стопочтенных отцов были заняты каторжной коман-
дой—грубыми, неотесанными людьми, бандитами в гряз-
ных блузах. Аббатство превратилось в центральную
тюрьму. Башмаки сменили манускрипты, но тишина
не была нарушена.

И сейчас Эйс – и монастырь и тюрьма одновременно.

Сперва вы проходите через двор с казармой, где в настоящее время нет солдат, затем проникаете под низкий свод, в котором сторож в мундире точно вырыл себе берлогу троглодита, и вы видите дверь.

Перед вами декорация Бакста, страшный, обветшалый символ: «Оставь всякую надежду».

Железные засовы, гвозди, решетчатые окошечки, огромный замок; дверь тюрьмы—тяжелая дверь.

За нею живут мои четыре приятеля и их триста товарищай.

— Войдемте.

Вращающаяся стена не скрипит, как этого невольно ждешь, на своих сильно смазанных петлях, и г-н директор—не тюремщик.

У г-на Гране седеющие волосы, медлительные жесты и несколько усталое лицо. Г-н главный надзиратель, обильно расшитый золотом, с целой связкой ключей, которые он носит как атрибут власти, отдает мне поклон по-военному.

— Идем...

Мы идем по мощеным дворикам, по большим коридорам с истертыми плитами, по старым каменным лестницам.

— Проходите, прошу вас...

Кухня имеет вид кочегарки.

От котла из желтой меди поднимается довольно аппетитный запах. Повара стоят навытяжку. Они равно-

душно ждут пробы, так как нет посетителя столь невоспитанного, чтобы сделать гримасу, отведав приварок.

Мне протягивают чашку с пробой: бобы.

— Вот чечевица на ужин. Завтра у нас картофель. Утром к первому завтраку мы подадим им похлебку из сухарей и зеленые овощи. Воскресенье, вторник и четверг—мясные дни: по 75 грамм вареной говядины, порции взвешиваются.

Режим недурен, посмотрите на их лица.

* * *

Мы проходим по лортуарам: вдоль узких проходов тянутся 300 клеток, заключающих 300 кроватей. Здесь и сон кажется замурованным.

Умывальники, души, ножные ванны, все здесь налицо, все функционирует...

Но как, должно быть, хорошо заболеть; каким уютным кажется лазарет с его просторными комнатами, ночных столиками и хорошим освещением.

Больных только четверо. Я уверен, что они не скучают. Они смотрят, как на потолке яростно бьется огромный слепень, ударяясь головой о стены и тщетно отыскивая выхода.

— Что у тебя?

Большая голова взрослого человека показывается из-под простыни.

— Ревматизм, г-н директор.

- Где ты его схватил?
— На Сомме, во время войны.

Это Матанье (Рауль). Шестнадцатилетним мальчиком он раздобыл себе солдатскую одежду и отправился вслед за полком. Его приняли. Как-то вечером во время одной из стоянок он завел девочку в лес, задушил ее и закопал в песок.

Матанье пробудет в колонии двадцать лет.
Это благонравный?.. Исправится ли он?

* * *

— А ты?
— У меня болит нога, г-н директор.
— Покажи свою ногу.
— Накололся о булавку, г-н директор.
— Которую ты воткнул сам, чтобы попасть в лазарет?

— Нет, г-н директор, клянусь вам.

Жакеле, белокурый мальчуган, остался сиротой на попечении сестры; та была арестована за бродяжничество, а он поплыл по течению: патронаж, устройство на работу, побег...

Это скверный мальчишка, он никогда не исправится!

* * *

— По местам, смирно... по местам, смирно... по местам, смирно...

Мы посетили все мастерския. Портные шьют только форменную одежду. Башмачники упражняются главным образом в изготавлении башмаков с деревянными подошвами. Столяры пополняют тюремный инвентарь. Кузнецы и жестянники выделяют кое-какие инструменты, кое-какую утварь... Наконец, имеются сетки от мух.

Вот как мой друг, поэт, описывает свой день:

Вот наше времяпрепровождение:
В шесть часов утра настает пробуждение.
Вставай, хоть не выснися—сущее мучение.
Утром нам приходится выносить парашин—
Самые прискорбные обязанности наши.
Затем стройся, равняйся, в умывалку являйся.
А потом звонит колокол: жрать приготовляйся...
Идем все в столовую, в ногу маршируем.
Кормят там не густо: не долго пишуем....
И вот опять колокол: по мастерским пора.
Там плетем мы сетки: сегодня, как вчера...
Противней работы не выдумать нарочно:
Чуть вспомнишь о сетках, делается тошно.
А когда пробьет одиннадцатый час,
С головой усталою итти надо в класс...
Надо до двенадцати писать или читать.
В двенадцать — в столовую: обед наш съедать.
После нам прогулка на час разрешается,
Только в этот час душа и утешается.
Увы, слишком скоро сладкий час проходит.
И вот опять колокол свой припев заводит.
Опять в мастерския мы должны итти,
Снова ненавистные сетки илести.

Должен каждый к вечеру кончить свою шару.
Глупый труд дурманит, подобно угару...
До пяти часов над сетками сидим.
В пять часов выходим, немного поедим.
А затем занятия школьные опять:
Историю или другое что надо изучать.
Потом—марш в столовую: ужин получаем:
Полубелый хлеб да бобы поглощаем...
А в восемь часов—колокол опять:
Это значит: надо отправляться спать.
Зашрут в дортуары нас, как птичек в клетки...
Заснем... и приснятся нам проклятые сетки.

Мой бедный друг, когда, достигнув двадцатилетнего возраста, вы выйдете отсюда с вашими маленькими сбережениями и перед вами откроются двери жизни, что вы делать будете?

Писать стихи или плести сетки?

С У Д

Вильнев-сюр-Ло, сентябрь.

— Сколько дел, г-н надзиратель?

— Восемь, г-н директор.

Г-н старший надзиратель смачивает палец и перелистывает:

— Вот Грени, Лабер. Еще... еще Эрве, Рикар, Альбэн, Гольди...

— Это только шесть.

— Да еще Бальзара и Анри Симон.

Большой пустой зал с эстрадой. На эстраде длинный черный стол и четыре стула. Гипсовый бюст Республики на стене. Нет мест для публики, ни скамьи подсудимых, ни пюпитра для адвоката. Какой-то незаконченный трибунал.

«Суд» состоит из четырех членов: президент — директор, член суда — старший воспитатель, один из воспитателей — прокурор и главный надзиратель — секретарь.

Г-н главный надзиратель в отпуску, и сегодня я занимаю его место.

Заседание открыто.

* * *

Синий сторож выполняет функции судебного пристава и жандарма.

— Введите первого подсудимого.

Сторож открывает маленькую дверцу в глубине зала, и Греню подходит решительным шагом. Голова его острижена наголо, и в глазах сверкает злоба.

Воспитатель читает обвинительный акт.

«Жозеф-Альфред Греню получил разрешение взять паяльную палку у одного из своих товарищей и, возвращаясь на свое место, нарочно мешал работающим. Надзиратель приказал ему обойти их, чтобы не делать беспорядка. Греню отказался повиноваться и ответил: «Я здесь не для того, чтобы исполнять ваши капризы».

Обвинение кажется мне довольно неясным. Но президент прекрасно разбирается.

— Ты поднял палец, чтобы испросить разрешение встать?

— Да, г-н директор, я поднял палец. Г-н надзиратель кивнул головой в знак согласия, затем он заставил меня вернуться, заявив, что он мне не ответил. Он всегда так делает, это его забавляет.

Я не могу следить за этими уловками, мелочность обвинения обескураживает меня.

Директор произносит приговор: два дня у стенки.

Второй обвиняемый.

Это крупный шестнадцатилетний парень с широкими плечами и открытым лбом; он глядит прямо перед собою.

Лабер (Этьен) послал записку воспитаннику Бальзара в сифилитическое отделение. Он признался, что написал записку, но отказался назвать товарища, который ее передал.

Я читаю.

«Мой дорогой Риту, я всегда думаю о тебе и надеюсь, что ты меня не забудешь. Не огорчайся, всему приходит конец, мы оба будем свободны, далеко от этой банды...

— Это ты написал записку?

— Да, г-н директор.

— А кому ты ее передал?

— Вы прекрасно знаете, г-н директор, что с моим характером на такие вопросы не отвечают...

Лишние матраца на восемь дней.

Третий обвиняемый.

Ему тринадцать лет, но на вид кажется семь. Его не видно, когда он подходит слишком близко к судебной эстраде, и приходится нагибаться, чтобы с ним говорить. Он слушает чтение без страха, на лице его почти не видно огорчения.

Эрве (Луи), несмотря на запрещение надзирателя, сам вымыл свою одежду и прожег ее в нескольких местах, просушивая на печке.

— Зачем ты мыл свою куртку?

— Она была грязная, г-н директор.

— Она тебе не нравилась, и ты сжег ее, чтобы получить новую?

— Нет, г-н директор, она была грязная.

Два дня на черном хлебе с правом на сокращение срока маленькому Эрве.

За ним следует калека Ригар,— по каменным плитам раздается стук его деревянной ноги.

Бегающие глаза и квадратная челюсть придают ему мрачный и свирепый вид.

Он периодически является на суд все с одним и тем же обвинением: он рассердился.

Когда Ригар сердится, он отвинчивает свою ногу и, размахивая ею, как дубиной, набрасывается на одной ноге на своих соседей. Может произойти убийство. Его усмирили с трудом. Вчера в столовой он принялся снова: десять дней карцера.

二二

Альбин — маленький боязливый мальчик. Он работал на ферме, вне тюремной ограды. Вчера на глазах своего надзирателя он принял бежать по дороге, как сумасшедший. Его остановили на расстоянии трехсот метров.

— Ты хотел удрать?

— Да, г-н директор.

— Тебе не нравится на ферме?

— Нет, г-н директор.

— Почему?

— Я всех боюсь,

•

Бальзара из сифилитического отделения получил записку от Лабера, но он в этом не виноват. Это болезненный мальчик. Его арестовали в Марселе в женской одежде. Он будет лишен порции мяса на один обед.

Последний обвиняемый — Анри Симон.

Пристав читает:

«Приведен в суд по собственной просьбе».

Большой, худощавый мальчуган с девичьим лицом, который смотрит на нас кроткими глазами. На рукаве у него две нашивки: за хорошее поведение и трудолюбие.

— Это что еще за фантазия?

— Я хочу в карцер, г-н директор.

— Ты с ума сошел, Симон. Послушай, ты, может быть, хотел со мною переговорить? Ты хочешь на что-нибудь пожаловаться?

— Нет, г-н директор: я хочу в карцер.

— Ну, ну, это не может быть всерьез. Ты знаешь, что до сих пор тобою были довольны. За твои нашивки ты получаешь по воскресеньям и четвергам мерку вина или кофе. Тебе дают сыр и варенье. С тебя сняли фотографию. Ты имеешь право отпускать волосы и усы, когда они покажутся. Послушай, не хочешь же ты, в самом деле, чтобы тебя остригли?

— Нет, г-н директор, но все-таки я хочу в карцер.

Г-н директор сердится и говорит более виновительным тоном.

— Образумься, Симон! Ты помнишь, что я тебе обещал. Я нашел тебе место в городе, у парикмахера.

Ты научишься хорошему ремеслу. И так как ты будешь сразу зарабатывать, твоя сберегательная книжечка быстро наполнится. Ну что же, идет?

— Спасибо, г-н директор, но я хочу в карцер...
И он разражается рыданиями.

* * *

Какая участь этих маленьких людей? Многие из них уже познакомились с детским судом, прежде чем попасть в колонию, и вот их держат в атмосфере сутилица.

Другие явились в Эйс, еще не побывав на скамье подсудимых. Не репетируют ли они роли для будущего?..

Заседание закрыто.

ТЮРЕМНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Аген, сентябрь.

От исправительной колонии в Эйсе до пенитенциарной в Аниане, которую я посещу завтра, путь лежит по трем магистралям с узловыми станциями, пересадками и долгим ожиданием в станционных буфетах.

Идет дождь. Я могу собрать свои заметки.

Г-н директор.

Над ним нет никого, разве там, где-то, невидимый и всемогущий министр. Но министр — это бог, и можно не верить в его существование.

Г-н Гране, напротив, видим в классе, в столовой, в мастерской. Он каждый день пробует суп и паштет и заставляет прибавлять в слишком пресные бобы немного поджаренного лука.

Г-н Гране говорит, и в долгом молчании долгих дней его голос составляет событие.

Он не без дарований: его память, между прочим,

— Поди сюда, Шарлье. Тебе письмо от сестры, славная женщина твоя сестра. Достойная женщина...

— Да, г-н директор.

— Рипаль, куда девалась твоя нашивка за хорошее поведение?

— Это потому что...

— Умно, нечего сказать... А я нашел было тебе место в Вильневе.

— Луи, ты получил хорошее известие: твоя мать поправляется. Ты рад?

Г-н Гране знает своих трехсот воспитанников, их имена, их семьи, их несчастья, их прошлые и настоящие несчастья.

Он выговаривает, он наказывает. Если он ошибается, то только потому, что позволил себя обмануть. К нему сами стараются попасть на суд, чтобы пожа-

ловаться. Потому что, если он приговаривает вас с правом на досрочное освобождение, это значит, что осужден надзиратель.

Г-н старший надзиратель.

У него две золотых нашивки и связка никелированных ключей. Едва ли он очень зол. Однако...

— Двадцать два! Вот старший!

Его взыскания равносильны тяжелым наказаниям.

Тут царит дисциплина. До добра не доведут бунты в роде тех, которые были в Аниане, Белиле и других местах. Воспитанники сформировались в батальоны, пришлось вызывать солдат...

Он недоверчив.

Надзиратель.

Синий мундир с красной звездой на воротнике. Если он правит каретой директора, он — кучер; если охраняет дверь — швейцар, если надзиратель за мастерской — плац-майор.

Он из военных, служил прежде в центральной тюрьме, где нет детей.

Он командует: «По местам, смирно!» Он кланяется по-военному и вытягивается перед вами в струнку.

— Все в порядке, г-н директор: пятнадцать налидо!

Он «скучает», и иногда ему забавно «докучать» другим.

Заведующий сеточной мастерской.

Это его изобразил мой друг поэт:

Изобразить спешит поэт
Вам этой личности портрет:
Тощ, как голодная коза;
Сердито вспучены глаза;
Необычайно длинный нос
Почти-что в подбородок врос;
От них еще угрюмей взгляд...
Башка совсем почти гола,
И уши — точно у осла.
Вся физиономия сморчком;
А борода торчит торчком,
Выходит — в роде помела:
Так жестки волосы и редки,
Что ею можно чистить сетки...
Рот на гармонику похож...
Таких на свете мало рож.

Но портрет шаржирован...

((X B a T)).

Это надо понимать в переносном смысле, так как он не обладает внушительным костяком и мускулатурой. Это «коиновод».

В четырнадцать лет он убил старуху, которая принимала в нем участие: она хранила в зеркальном шкафу пятнадцать тысяч франков государственными облигациями.

Он здесь на двадцать лет.

Если надзиратель ничего не говорит ему, он беспокоится.

— Ишь ты, он, верно, нездоров!

И он ищет в своем репертуаре какое-нибудь отборное ругательство.

Дни карцера—для него нашивки. Другие восхищаются им.

На прошлой неделе он изменил поведение и предложил г-ну директору воспользоваться его влиянием на товарищай, чтобы навести на них порядок.

Г-н Гране относится к этому предложению скептически.

«Девка».

Он из Парижа. Лицо его несколько поблекло на бобовом режиме, но сохранило чистые очертания и нежный матовый цвет. Несмотря на стриженые волосы, у него манеры взрослой девицы. На Монмартре он жил по балязам.

Его семья?

Он никому не пишет записок, но ему посыпают их изо всех отделений. Его держат в карцере без каких-либо ограничений в питании,—не ради наказания, но ради изоляции.

«Сентиментальный».

Он вместе с тем и поэт и посвящает свое последнее «прости» товарищу, выходящему на свободу:

Тебе пишу я, друг мой дорогой.
Увы, с тобою через день—другой,
Быть может, навсегда расстанусь я:
Ты едешь в африканские края...
...Ни разу не было, чтоб нежность между нами
Затмилась хоть на миг враждебными тенями.
Частицей нас самих становится тот друг,
С кем испиваем мы совместно чашу мук.
О, помни же о нас: враждебною судьбою
Навеки, верно, мы разлучены с тобою.
Нас радует, что ты из Эйса удалишься
И в месте более отрадном поселишься;
Но расставаться нам с тобою, милый, жаль,
И к нашей радости примешана печаль.

«Мистик».

Священник не обязан, но мораль отнюдь не изгнана. Часовня является источником развлечения, к тому же не следует пренебрегать дружескими связями и влияниями.

Благочестие и усердное посещение церковных служб не удержали Карлю от побега. Его только что арестовали. Он ожидает обратного возвращения в Эйс в центральной тюрьме в Монпелье и пишет оттуда своему директору:

«Когда за мной пришли в среду, пятнадцатого в шесть часов утра, я только-что просил бога послать мне испытание... Оно ли это? Да будет воля господня.

Но, г-н директор, умоляю вас выслушать мою просьбу: неужели вы будете препятствовать моему призванию? Смогу ли я без страха выполнить мои религиозные обязанности. О, вы не можете знать, как велика любовь истинного христианина к своему призванию. Не будьте жестоки, не мешайте мне работать, чтобы ответить на призыв господа.

Простите меня. Голова моя горит. Я уже не колонист, я человек, я христианин. Я должен вернуться в колонию; я исполню свой долг. Если человек оставляет своих братьев, господь с ним. Как только будет возможно, я покину мир и сделаюсь миссионером...»

«Благоправный».

У него нашивка за хорошее поведение и трудолюбие; он причесывает свои черные волосы на пробор и закручивает, как только может, подрастающие усы. Право быть нестриженым, небритым он приобрел долгими годами образцового поведения.

Растительность, укрывающая череп и губы питомцев, близких к освобождению, уже придает им вид свободного человека.

Ривьер был приговорен на пятнадцать лет. Он уже отбыл восемь. Однажды, по дороге, он спрятался с ружьем за домиком дорожного сторожа и выстрелил. Убив человека, он убежал, ничего не украв. Это убийца-дилетант.

К нему будет применена льгота. Тяжелая дверь Эйса распахнется.

АНИАН

АНИАН

Аниан, 7-го сентября.

В тридцати милях от Монпелье, среди созревших виноградников, каменистых склонов и сосновых рощ, стоит другое бенедиктинское аббатство, насчитывающее двенадцать столетий. Но спускаясь словно с американских гор по дороге, которая выбрасывает вас по середине большой деревни Аниан, вы прежде всего видите современные четырехугольные здания, высокую трубу с султаном черного дыма.

Фабрика скрывает монастырь.

Воспитанники живут в монастыре и работают на фабрике. Сводчатые галлерей превратились в дворики; мы проходили в дортуары по прекрасной лестнице с коваными железными перилами, которых, по преданию, касались руки св. Бенедикта. Г-н Но, директор, живет в квартире настоятеля.

Жесткие седые усы, сухое, бледное лицо, добрые глаза. Он похож скорее на начальника завода, чем отца-аббата. И действительно, это — директор технической школы.

— Мы можем соперничать с государственными школами, — говорит он. — Практическое обучение здесь

шире, чем теоретическое. Наш технический персонал лучше обучает руками, чем языком. Но это отнюдь не недостаток, поверьте. Наши молодые люди, оставляя Аниан, обладают ремеслом—профессиональным капиталом: им есть на что жить.

Перед самой войной в стенах колонии разыгралась целая революция. Происходили настоящие сражения. Артиллерия, кавалерия и жандармы Монпелье вступили в бой с армией воспитанников.

Министр юстиции самолично сместил г-на директора. Произошли и другие перемещения, отправки в Эйс. Но, как это часто бывает, смирившиеся зачинщики обратились в прекрасных помощников. Так самые свирепые из якобинцев стали лучшими генералами империи.

* * *

Уходящие воспоминания. Только самые старые из питомцев помнят эти героические времена. В Аниане царит порядок, трудовой порядок.

Я должен посетить пятнадцать мастерских, где фабрикуются сто пятьдесят предметов; модели их выставлены в музее.

— Вот тележка, которая на рынке стоит тысячу восемьсот франков; нами же она была представлена государству за шестьсот. Это серьезная экономия. И все другие предметы обходятся втрое дешевле:

замки, инструменты, котлы, земледельческие орудия, кухонная утварь, мебель, обувь, одежда.

Обувь предназначена для армии; из одежды изготавливаются мундиры сторожей и арестантские куртки для заключенных; кружки из белой жести, плуги, мебель идут в колонии и в центральные тюрьмы.

Но питомцев Аниана учат.

Их учат по десяти часов в день в мастерских и по два с половиной в классах... Долгие дни, в течение которых можно научиться жить...

* * *

— По местам, смирино!..

— Вольно, за работу!..

Синий надзиратель наблюдает за порядком, но работой и обучением заведует штатский мастер.

— Все в порядке, г-н директор. Тридцать налицо.

Это сборщики машин и токаря. Тиски, напильники... Скрипящие блоки...

— Покажи-ка свою работу, Рабле...

— Это садовые ножницы, — вмешивается мастер.

— И он это сделал сам?

— Да, г-н директор, он разбирается недурно.

— Сколько времени ты здесь?

— Восемь месяцев.

— Что ты умел, когда пришел сюда?

— Ничего, г-н директор.

Г-н Но поворачивается ко мне и протягивает ножницы.

— Вот!

Мы идем к машинам, которые доставляют маленькому промышленному городку его электрическую жизнь: двигательную силу и свет.

Крупный парень с обнаженным торсом управляет стальными чудовищами.

— Что ты умел делать?

— Ничего, г-н директор.

В механической мастерской допрашивается маленький блондин.

— Что ты умел делать?

В кузнице наш приход не прерывает работу воспитанника, который тяжелым молотом кует раскаленную сталь. Наконец, он останавливается.

— Нет, нет, продолжай! А то испортишь работу.

— Что он умел прежде?

— Ничего, г-н директор.

— Посмотрите на эту решетку. Ведь это—шедевр! Мы преподносим ее городу Аниану для мавзолея, который собираются здесь воздвигнуть.

— Кто же это сделал?

— Вот они! Прекрасная работа, друзья. Ну, а что вы раньше умели делать?

Правда, теперь они умеют пользоваться своими руками. Но как это тяжело дается.

Нельзя вымолвить слова, выкурить папиросу.

Колеса вертятся, маленькие серебряные змейки выползают из-под напильников, кузница раскрывает свою раскаленную глотку, новые котлы опускаются в свои серебряные ванны.

— Г-н мастер, вы им довольны?

— Прекрасный работник, г-н директор.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Я займусь тобой. Я постараюсь устроить тебя во флот.

— А тебе?

— Восемнадцать.

— Ты будешь работать для артиллерии.

— Благодарю вас, г-н директор...

— В прошлом году нам было предложено сто шестьдесят вакансий, а с января этого года уже сто двадцать четыре.

Редко случается, что хозяева возвращают их нам из-за неумения работать. Мы делаем из них прекрасных работников...

Но как это тяжело!.. Нельзя обернуться, чтобы взглянуть на товарища или на потолок.

Высоко помещенные окна дают свет, но закрывают пейзаж.

Если остановишься, мастер спрашивает:

— Ну что же! Не поставить ли тебе кровать?

И так каждый день в течение десяти часов, летом и зимой, которые так хороши в Лангедоке.

Бобы утром и вечером, вода, разбавленная вином, мясной паек — все это поглощается в двадцать минут.

На двориках можно оставаться очень недолго.

Здесь производят и военные упражнения... По вечерам классные занятия затягиваются на два с половиной часа. Голова и руки отяжелели.

Г-и преподаватель пишет на доске цифры и чертит карты...

Подремывают...

Тяжело...

* * *

Но Аниан окружен виноградниками, и к сентябрю грозди уже поспели.

Те, кто обладает сильной волей, кто не испортил работу, не потерял нашивок за поведение, отправляются на сбор винограда.

Сегодня и еще три недели более полутораста воспитанников работают в полях. В этой местности почти все крестьяне — виноградари и нуждаются в рабочих руках на время сбора. Дверь тюрьмы открывается, воспитанники отправляются на ферму. Они пользуются мясом, вином и открытым небом

над головой. Солнце печет: можно измазаться до красна мелким виноградом, можно пожирать целыми гроздями крупные зерна арамона и курить папиросы... Кажется, этому не будет конца.

Когда последние грозди брошены в давильню, надо возвращаться.

Тут начинаются побеги.

Всем известно, что это глупо, что вас поймают и на будущий год не пустят на сбор винограда...

Денег нет ни гроша. На тридцать километров кругом вас всякий узнает. Но это не действует...

* * *

Вчера Сарлен получил рабочий костюм, чтобы отправиться на сбор винограда на ферму Торинг. Он был уже совсем готов. Он попросил разрешения увидеть г-на директора.

— Ну что, ты доволен? Теперь погуляешь?

Сарлен опускает голову.

— Не посылайте меня, г-н директор. У меня не хватит мужества вернуться.

КРОВЬ В МАСТЕРСКИХ

Париж, сентябрь.

Эйс — исправительная колония, Аниан — «индустриальная», Белиль — «земледельческая и мореплавательная».

Завтра я буду на острове Белиле.

* * *

Мои друзья в Аниане, которых мне удалось разглядеть в высоких мастерских среди машин, наковален и тисков, продолжают влакить свои суровые дни.

Другие останутся еще несколько дней на солнце, среди виноградников. Еще неделя — и сусло наполнит чаны, последние грозди будут выжаты. Они снова увидят «обезьяну», которая направляет им напильник, подгоняет их руки и не позволяет мечтать.

Мастер суров, как и его работа. Он не любит, чтобы зевали по сторонам и размышляли... И он, быть может, прав.

Я, разумеется, видел на полу только опилки, обрезки, кусочки кожи или материи. Другие видели там кровь.

* * *

Это было не так давно. У этой кузницы, где сейчас двое дюжих молодцов, окруженных снопами искр, производят попеременными ударами молота свою оглушительную музыку, работал Рамалье.

Рамалье был бойкий мальчуган. Благодаря нашивке за трудолюбие, он имел право на жареный картофель и вино по четвергам. Но эти «пиршества» отягчили его, и он начал лениться.

Мастер предупредил его.

— Если будешь так продолжать, ты лишишься нашивки, мерки вина и жареного картофеля.

Он их лишился.

Рамалье не сказал ни слова, не пожал даже плечами и ничего не пробурчал сквозь зубы. В течение трех дней он принялся за работу и выполнил урок: работа была чистая, отчетливая, ничего нельзя было сказать.

Мастер радовался.

— Одних надо брать чувствами, других желудком.

Он стоял перед наковальней и руководил работой.

— Стой, нетак.

Рамалье находился близ очага, в котором краснел раскаленный железный стержень.

Он схватил его, направил против мастера, точно шпагу, и вонзил ему в живот.

* * *

В башмачной мастер руководил пятнадцатью воспитанниками. А дома у него было семь своих, которые жили на его скучное жалованье.

Воспитанник Мерлен был не плохим работником. Он уже перешел на тонкую работу и выделявал башмаки для выходящих на волю.

Но он не всегда аккуратно работал и заслуживал некоторых замечаний. Не все имеют такой характер, чтобы выносить брань.

И Мерлен ударил своего мастера лезвием в спину.

* * *

Жюльен из котельной не желал зла ни сторожу, ни мастеру, ни воспитателю; он был со всеми в ладах, кроме воспитанника Рибуле.

Дело было летом... в час отдохна все растягиваются на кроватях. Жюльен удрал, сбежал в мастерскую за пилой для разрезания цинка, возвратился в дортуар, осторожно открыл камеру своего врага и ужасным инструментом вскрыл ему живот.

Аниан не «исправительная» колония, как Эйс.
Сюда помещают только смиренных.

ПЕВЧИЕ

Здесь не приходится выбирать религию, религия здесь одна: религия священника. Можно ее принять или отвергнуть, или пренебречь ею, но другой здесь нет.

— Кто еще не был у первого причастия? Кто хочет причаститься?

— Все!

В такие дни для неофитов изготавляется прекрасный обед с бифштексом и десертом.

Магомет бен Магомет тоже пожелал итти к первому причастию.

————— Но ведь ты же мусульманин?

— Моя обратился.

Это был самый лучший обед в его жизни!

В воскресенье, в восемь часов, все отправляются в часовню под звуки барабана и трубы. Никто не хочет пропустить обедню.

Желающих прислуживать в церкви больше чем нужно священнику. Он отбирает самых благочестивых и должен установить очередь.

«ТРУДНО ОСТАТЬСЯ ЧЕСТНЫМ»

Я только-что получил письмо от одного из бывших анианских питомцев.

«Семьи у меня не было: как «непризнанное, незаконное дитя», я, чтобы скрыть грех моей матери (ей было шестнадцать лет), был отдан одной соотечественнице. Эта итальянка, получив деньги за молчание и за оказанные мне необходимые заботы, в свою очередь передала меня другой особе, обещав ей вознаграждение. Последняя, ничего не получая и будучи слишком стара, чтобы направить меня на лобрый путь, воспользовалась тем, что я стацил у нее несколько грошей, и заставила меня арестовать.

Никто меня не требовал, и суд отправил меня в пенитенциарную колонию до совершеннолетия.

Там со мной обращались хорошо, и я ни разу не навлек на себя наказания.

В девятнадцать лет я попал под льготу и вышел на свободу.

Было бы слишком долго описывать те физические и душевные страдания, которые я перенес после освобождения; без близких людей, без доброго совета трудно, клянусь вам, остаться честным.

Вот почему я благодарю вас за доброе намерение.

Помогайте им и до и после.

Е. Б., бывший питомец исправительной колонии в Аниане.

Я не решаюсь подписать».

* * *

Не подписывайтесь! Я вас знаю! Я вас только что видел во многих лицах! Завтра, когда малыши вытянутся перед г-ном директором...

— По местам, смирно...

Я прочту вашу историю во многих глазах.

БЕЛИЛЬ

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ, НА ПОЛОВИНУ ПОГРУЖЕННОЕ В МОРЬ

Палэ (остров Белиль), сентябрь.

Здесь кончается Киберонский полуостров, который кажется таким узким среди голубых вод Средиземного моря и зеленоватых волн океана.

Вместе с тремястами экскурсантами, вооруженными кодаками, нанимаем небольшой буксир.

Киберон стушевывается, вырисовывается Белиль. Два небольших маяка Палэ белеют, как сахарные головы; нахмутившаяся крепость подавляет чистенький городок.

Сперва надо взобраться на гласие крепости по узкой тропинке среди леса. Широко открытый портал, с надписью на своде: «Земледельческая и мореплавательная колония», свободно впускает вас в цветущий сад.

Как здесь хорошо!

У этой тюрьмы нет стен; зато бездонный ров—море...

— Здесь,— говорит мне г-н Маркет,— наши дети могут считать себя свободными.

Это чудесный мираж до того момента, как какой-нибудь положительный ум пожелает превратить его

в действительность... Остров имеет всего-навсего двадцать километров в длину, от форта Сара-Бернардо Локмарии, и восемь в ширину, от Палэ до Кервилагауена.

Немного.

* * *

Чтобы украсть лодку, надо отправиться в Палэ или Сазон.

Галибер и Сулье пасли стада на ферме... Ни одного надзирателя... Дело было вечером. Стоит только оставить здесь коров и баранов и спрятаться за какой-нибудь скалой на жеребячем мысу. Завтра на рассвете можно решиться.

На следующий день маленькие пастухи зафрахтывают лодку; они не умеют обращаться с парусом, но каждый забирает по веслу... С ними каравай хлеба, бутылка вина и немного жевательного табаку... До свидания, в путь! Вначале почти весело, солнце встает, туман застилает берега. Там, вдали — Киберон.

Руки быстро немеют, но если отдохнуть, лодка идет назад. Утлое суденышко доплыло таки на следующий день до маленького пляжа у Портиви, но там пришлось броситься в воду.

Галибер не умеет плавать: он барабхается, хочет ухватить Сулье, который вырывается и исчезает...

Через несколько дней в бухте св. Петра находят его тело, разбитое о скалы.

И Сулье забрали в Карнаке, среди менгиров — этого призрачного полчища окаменелых воинов, которые снят здесь с незапамятных времен, стоя на дюнах.

Другой раз два другие малыша... Почти такая же история. Но их нашли в море к западу от острова в обморочном состоянии на дне протекающей лодки.

Другой раз...

Голубой ров непреодолим... Из Белиля не убегают.

* * *

Этот морской оазис служил местом заточения в течение долгих веков.

Кемперлинекое аббатство ссылало сюда своих беглых рабов. Революция поместила здесь непокорных новобранцев; затем тут были осужденные мятежники, их сменили престарелые каторжане, бунтовщики коммуны.

Теперь здесь маленькие матросы и мальчики, работающие на фермах: воспитанники.

Моряки живут в От-Булонь, на гласисе цитадели; земледельцы — в Брюте-Суврен, среди норманнского пейзажа.

Среди большого открытого двора можно найти тень только у бортов учебного судна, водруженного на цементном цоколе; огромная игрушка...

— По местам!..

Большая зала украшена морскими картами, разноцветными флагами и сигналами, много компасов, розы ветров.

Этая сетка значительно выросла: она превратилась в огромную голубую сеть для ловли сардинок; ее нужно плести и штопать. Надо также шить ичинить паруса, делать жгуты, ремни, причала, тросы и морские узлы.

三

- Что ты здесь делаешь, Бурдон?
— Капитан «Ароака» отоспал меня обратно...
— Тем хуже для тебя.

Бурдон опускает голову. Он отправился на учебной шхуне к берегам Испании на ловлю тунца.

На судне воспитанники одеты как матросы, с широким голубым воротом. Они спят на койке, едят рыбную похлебку, матлоты, буйабессы. В открытом море они работают как все матросы, но не имеют права сходить на берег.

Бурдон счел себя свободным моряком... Он предвосхигал будущее.

Теперь он будет плести веревки в амбаре. Он обовьет вокруг талии пук пеньки и будет медленно ходить, отступая с концом неоконченной веревки до стены веревочной мастерской.

Я хочу взглянуть на «Ароак».

Г-н Маркетт сопровождает меня до гавани Палэ, где он вартировалась белая шхуна. Но его знакушка отчаливает и плывет за нами.

«Ароак» — солидное и крепкое судно.

— По местам, смирино!..

Нас принимает капитан, крупный краснощекий малый; молодые матросы выстраиваются на сверкающей палубе.

— Ага, вот Ютен... Как дела?

— Гм... гм... — вздыхает капитан.

— А Леру? Дело налаживается?

$\rightarrow \Gamma_M \dots \Gamma_M \dots$

— А Жермон? Вы довольны Жермоном?

— Я думаю, он будет хорошим моряком...

Капитан, улыбаясь, смотрит на воспитанника и, поднимая к рёям свою мозолистую руку, добавляет:

— ... не без нескольких добрых зуботычин.

Другой капитан Белиля, командир «Дарьена», тоже уехал однажды со своими маленькими матросами.

— Это были добрые малые, большие парни, вроде тех, которые стоят теперь передо мной, руки по швам. И он, разумеется, был добрый морской волк... вот как этот...

На судне были остроги для селедок.

Однажды Гойземпик ошибся и хватил своего капитана острогой по спине. Тогда другие подняли капитана, накинули ему петлю на шею и повесили на мачте...

Был вечер... Красное солнце на горизонте наполовину опустилось в воду...

Две мили от берега...

ФЕМИСТОКЛ ПРАВИТ БАЛ

Палэ (остров Белиль), сентябрь.

Заведующий называет это «баней».

В официальных отчетах, тщательно редактированных, это именуется «дисциплинарный взвод».

Но мы скажем, как все: «бал».

Маленький бал дается на открытом воздухе у дверей столовой. Это арена, где наказанные могут ежедневно предаваться спорту от двенадцати до часу дня.

Но большой бал происходит в крытом зале— первое строение налево при входе в колонию.

Цементный и паркетный пол. Овальная дорожка, по которой приходится бежать, не широка. Она не годится для состязаний, нельзя перегонять лидера и удаляться от веревки, иначе рискуешь упасть, так как бегущий упражняется на высоте тридцати сантиметров от пола... Если он оступится, он разобьет

себе нос о нижний пол, где стоят синие сторожа с красными звездами, а у синих сторожей крепкие подошвы на сапогах.

Одного кавалера недостаточно для бала.

Чтобы организовать бал, необходимо, по крайней мере, шесть танцоров. Можно дойти и до двадцати.

Круг начинается в девять часов утра и кончается в пять вечера с часовым перерывом для завтрака. Нормальный ход 7—8 километров в час. Он нормируется надзирателями с часами и палкою в руках.

Танцуют босиком, как в древности.

Заведующий прав. При таком темпе бал быстро превращается в паровую баню. Кружатся, кружатся без конца. Вожак подгоняется палкой, а другим остается только при克莱иться лбом к спине товарища и не отставать от него ни на один сантиметр.

Во время паузы опускаются на центральный паркет и ложатся.

Дорожка вертится сама по себе.* Двое надзирателей превращаются в четырех; кажется, что у них по две головы, по восемь рук...

Но головокружение проходит, предметы возвращаются на свои места и все останавливается. Надо начинать снова.

Случается, что один из танцов не слышит сигнала и продолжает неподвижно лежать на животе. Удар сапогом не пробуждает его. Его переворачивают на спину, и перед вами смертельно бледное лицо и широко раскрытые, не видящие глаза...

— В лазарет.

* * *

Иногда случаются странные инциденты.

Предположим, что танцующих двадцать — максимум. Первый берет слишком крутой выраж, второй, который у него вплотную за спиной, еще более приближается к краю дорожки, третий совершенно автоматически отделяется на несколько сантиметров от веревки, у четвертого уже почти вся нога наружу... а пятый падает в середину лоханки и прочие пятнадцать за ним.

Получается каша.

* * *

Самым знаменитым учителем танцев был г-н Ламур (Фемистокл).

Фемистокл был дюжий белокурый гигант. Он мог бы сгибать железные брусья на ярмарочной площади, но судьба привела его сюда. Душа и сердце соответствовали мускулам, и он правил бал не хуже, чем сам сатана, с непреклонной мягкостью, с неумолимой заботливостью.

Ко второму часу появляются водяные пузыри. У привычных образовалась уже на ногах естественная роговая подошва, в которую можно втыкать гвозди... но новичкам-танцорам кажется, что Фемистокл насыпал на дорожку горячих углей, и они бегут по огню.

Во время паузы они хватают ту ногу, которая горит сильнее, и сжимают ее руками, чтобы заглушить огонь.

Фемистокл обеспокоен?

— Дело не налаживается?

— Мои ноги ошпарены...

— Покажи...

У новичка на ногах огромные мешки, белые или черные, смотря по тому, наполнены ли они кровью или водой.

Фемистокл принимался за лечение. Он выщипывал из игольника просаленную нитку и осторожно, один за другим, вскрывал пузыри.

— Готово...

七
七

Около полудня, в середине бала, каждый может получить мерку горчанки. Пить воду вредно. Кружка как-раз содержит порцию, но обычай требует предложить Фемистоклу.

— Мерку горчанки, г-н Ламур.

— Спасибо, мальчики... У вас и так немного...

Но это только формальность.

Кутанзо был одним из изгоев белильского бала.

— Я предпочел быть отправленным в Эйс, чем продолжать.

После бала еще не конец. Нам хочется пить... и заведующий г-н Роллан изобрел штучку.

Нам приносят в пищевом котелке дымящийся суп; ложка стоит в нем, как в горшке с kleem.

Этим супом можно приклеивать афиши.

Ни капли воды.

Попробуешь ложечку, а остальное... выбросишь в ведро.

Г-н Роллан, прижавшись к глазку карцера, наблюдает за пиршеством. Затем он приоткрывает дверь и осведомляется:

— Ну что... хорошо ли покушали?

Сон заменяет пищу.

С пятьюдесятью километрами в ногах он не заставляет себя ждать.

В карцере имеется матрац и одеяло. Но горло горит, ноги горят, в желудке огонь. Через некоторое время кажется, что эти три очага воспламенили все тело, и повсюду чувствуешь уколы огненных язычков.

Прёсыпаешься, встаешь и отряхаешь рубашку.

Огненные язычки—это клопы.

КУТАНЗО НЕДОВОЛЕН

Палэ (остров Белиль), сентябрь.

Г-и Маркетт провел меня в дисциплинарное отделение.

Он приказывает:

— Г-и старший надзиратель, откройте какой попало, не щите. Вот этот, например...

Г-и надзиратель дважды ударили в дверь своими ключами, заглянули в глазок и открыли.

Маленький пленник стоит, прижавшись лицом к стене под слуховым окошком, засунув руки за пояс штанов.

Полуоборот направо...

— Ну, подойди...

— А, это опять Гуаффье... что ты наделал... ты никогда не успокоишься.

Карцер совершенно пуст: натертый паркет, белые стены, окна на высоте потолка.

— Они находятся здесь только во время еды и ночью. Днем они на свежем воздухе... Они носят песок. Вы можете сами убедиться, что им не вредно.

И действительно у Гуаффье недурной вид.

— Какой карцер хотите вы еще посмотреть?.. Вот этот?.. Тот?..

И у других пленников недурной вид.

—————
— Разве они всегда должны стоять на ногах, прижавшись к задней стенке?

— Нет, они могут лечь на пол, но они должны встать на вытяжку, повернув спину, когда открывают дверь.

— Почему?

— Чтобы не вцепиться вам в горло.

ТОМА БЫЛ ОБЖОРА

У них недурной вид... Однако Тома несомненно был голоден. Он был обжора. Уж если ему нехватало нормальной порции, то дисциплинарный паек был сплошной насмешкой над его желудком.

После бала он злобно выбрасывал свой клейкий сун. Г-н Роллан входил в карцер и спрашивал:

— Нет аппетита?

Я не видел лица Тома после сорока пяти дней карцера, но мой приятель Кутапзо поклялся мне, что он был совершенно истощен.

Все отделение ожидало его выхода.

Когда он проглотил свою порцию, каждый предлагал ему что-нибудь поесть.

— Тома, еще немного хлеба... Бери мое мясо... Вот мои бобы...

Он не мог поглотить все в течение двадцатиминутного обеда, но, когда он встал, в карманах

у него оказалось пятнадцать порций мяса, десять порций хлеба...

В дортуаре слышали, как он ел целую ночь.

По утру он не вышел из своей камеры... Он лежал в корчах на кровати. Его тотчас же отвели в лазарет, где он умер, не проболев и недели.

«ПЕСОК» И «ВОДА»

Г-н Маркет сказал:

— Переноска песку — очень гигиеничая работа.

Но Кутанзо утверждает, что он все-таки предпочитает «бал».

— Вы идёте по военной дороге и спускаетесь на берег. Надо пройти сквозь тоннель, пробитый в скале; там есть лестница в пятьдесят ступеней.

Внизу вы наполняете ваш мешок песком или галькой, в среднем около тридцати килограмм, вы кладете его на плечо и поднимаетесь... Какими длинными кажутся пятьдесят ступенек, ваши плечи становятся багровыми.

И Кутанзо добавляет:

— Я «бал» предпочитаю «песку», но «песок» предпочитаю «воде».

— Что такое «вода»?

— Надо носить шайки с водой из колодцев в прачечную; шайки тяжелые с тонкими душками, которые режут вам руки. Зимою прямо-таки плачут.

— С Фемистоклом, вы знаете, шутить не приходилось. Однажды я только повернул голову, чтобы сказать что-то товарищу. Это запрещено. Фемистокл дал мне донести шайку, не сказав ни слова. Но, придя в прачечную, он схватил меня за шею и наврузил в бассейн. Это было в яivarе—я остался целый день в мокром платье.

— Однако у вас педурной вид, Кутанзо.

— Да, ничего себе... а вы как?

«КОМПАС» И «ЛИНЕК»

Перед большим судном, водруженчом на цементном цоколе по середине двора, г-н Маркет пояснил мне:

— Это старое учебное судно «Город Палэ». Теперь оно не употребляется и является только символом, вывеской для мореплавательной колонии.

— Оно употребляется,—сказал мне Кутанзо,—оно употребляется для обучения морскому регламенту, морским сигналам, компасу... Есть такие, которые никак не могут понять компаса. Тогда вас заставляют взобраться наверх на самую высокую мачту, на брам-рею, и там привязывают вас и компас перед вами.

И это зимой при северо-восточном ветре.

Через два часа вы все поняли.

«Город Палэ» — не только символ.

Но Кутанзо уверяет, что здесь еще гоняют по трапам.

Имеются два веревочных трапа, которые ведут на брам-рею: один—с кормы, другой—с носа. Троє марсовых старшин, вооруженные линьками, становятся: первый—на палубе, близ лестницы, второй—на середине ее, третий—на брам-рее. Вы снимаете башмаки и поднимаетесь босиком. Первый напутствует вас ударом линька по пальцам, второй стегает по подошвам, третий заставляет спуститься таким же способом. Вы проделываете это двадцать, тридцать раз и как можно скорее.

— Марсовые старшины — это надзиратели?
— Нет, воспитанники, как мы.

ГЕНОЛЕН БОЛТАЛ В ДОРТУАРЕ

В дортуаре должно царить гробовое молчание. Но находятся такие, которые все-таки болтают. Это раздражает, потому что надзиратель не может их поймать. Он бросается на звук голоса и на случай срывает с дверей две или три фишки.

Однажды была взята фишка Геноле.

На другой день в пять часов утра из строя вы-
зывают наказанных.

— Геноле.

Геноле не шевелится.

—————
— Эй, Геноле...

Товарищи толкают его, он приближается к надзирателю, который объявляет приговор:

— Пять дней у стенки за то, что болтал в дортuarе.

Геноле разводит руками, он ничего не слышит. Надзиратель узнает его.

— Геноле, да это глухонемой...

Я ПЛОХО РАССКАЗАЛ ИСТОРИЮ «ДАРИЕНА»

— Г-н Рубо, вы плохо рассказали историю «Дариена». Это не была шхуна, как «Ароак», а баркас для ловли сардинок. Командиром был г-н Бюрлю. Гойзэмпик был среди матросов. Я его знал, он был очень добрый. Но это был бретонец с крепкой головой и упорными идеями...

И каких он только ни получал ударов. Последний раз Бюрлю пустил в ход ключ. Прямо в глаз. Глаз Гойзэмпика раздулся, как яйцо, как куриное яйцо. Тогда-то он и задумал побег. Другие к нему присоединились.

Судно находилось в двух милях от берега, и г-н Бюрлю заснул на дне баркаса. Гойзэмпик взял брус от руля, встал на расстоянии метра от капитана и бросил ему брус в голову...

Г-н Бюрлю проснулся, схватился руками за лоб.

— Что? Что такое?

Но Гойземпик ударил бруском второй раз, череп раскололся и вытекли мозги. Тогда они испугались. Они уже не думали о побеге. Они завернули капитана в брезент от паруса, отвезли его к берегу и положили на скалу. Затем они прожили четыре дня без пищи, пока их не забрали.

Я ИЗВИНИЯЮСЬ ПЕРЕД Г-НОМ МАРКЕТ

— Г-н Маркет, я перед вами извиняюсь... Вы меня любезно приняли. Вы показали мне мастерския, фермы и суда вашей колонии... Я уверен, что вы прекрасный человек; вы делаете все, что вы можете и как можете, с теми средствами, которыми вы располагаете. Несчастья этих детей выше ваших сил, как они выше и моих. Вы стараетесь выполнить ваш долг с возможно большей гуманностью. Я же счел своим долгом дать слово и Кутанзо.

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ КУТАНЗО

Мой приятель Кутанзо родился в маленьком бретонском городке. Он появился на свет как плод греха, который без него мог бы остаться в тайне: еще не родившись, он выдал свою мать и вооружил

против себя и против нее того человека, чье имя ему пришлось носить. Никто не занимался мальчишем. Он бегал босиком по пляжу и по городу. Время от времени отец Кутанзо сек его крапивой для обуздания.

Однажды он был в церкви. Полицейский агент схватил его за ворот.

— Это ты вытащил деньги из кружки?

— Нет, не я...

Суд оправдал его, как действовавшего без разумения, и поместил в исправительный дом до совершеннолетия.

Он прошел Сент-Илер, Белиль, Эйс.

Он прошел бал, песок, воду, карцер, сетки...

И он недоволен.

«Д Е В К А»

Г-жа Кернонкуф, кормилица Рауля Бошан, ничего не знает. Одна старая женщина, г-жа Эмиль, привнесла ей малютку с очень богатым приданым. Было уплачено за год вперед. Каждую неделю писали в Париж г-же Бошан, и ответ приходил на шикарной бумаге.

Когда ребенок заболел, было прислано дополнительно двести франков на лечение. Г-жа Кернонкуф даже дала из них пятьдесят франков приходскому

священнику, так как лучшее средство против судорог
это все-таки «евангелия».

Через шесть месяцев, когда г-н Кернонкуф поехал в Париж, жена поручила ему навестить г-жу Башан. Но вместо нее он нашел частную почту: «Некая г-жа Эмиль приходит за письмами... больше ничего не известно!..»

Он оставил записку. С того дня — ни слова. Он подождал шесть месяцев, так как было уплачено вперед. Г-н и г-жа Кернонкуф не имели средств усыновить Рауля, его отправили в попечительство.

卷一

По всей вероятности, его мать была изящная женщина, а отец благородный джентльмэн. Рауль был красивый и нежный мальчик. Сначала его поместили к каретному мастеру, но там он ничего не делал, и его приходилось даром кормить за его 2 фр. 50 сант.

У фермера, куда его потом отдали, он ни за что не хотел оставаться на ночь в конюшне, потому что боялся. Он вытаскивал свой тюфяк на двор... Не стоило его держать на этой работе.

Был он и на других местах... прежде чем попасть в Метрэ.

Это большой двор, на который выходят двенадцать домов и церковь.

Его назначили в дом Б., и вечером, когда один из учеников показывал, как взлезать на койку, он услышал за спиной слова, произнесенные шепотом:

— Смотри... «Девка».

Такова его участь.

— Хотел бы я видеть вас, г-н редактор, на нашем месте... Не знаю, в каком возрасте это у вас началось. Или, быть может, вам это не нужно.

Здесь есть парни, лет шестнадцати, восемнадцати, двадцати.

Можно не есть, не курить, даже не пить, но без этого обойтись нельзя. За «Девку» стоит отсидеть пятнадцать дней в карцере.

Рауль Бошан был хорошенъкий мальчуган с белокурыми стрижеными волосами, большими голубыми глазами, в темной полотняной блузке и деревянных башмаках. Зимой здесь разбивают камни под навесом, а летом работают в полях или на виноградниках. Кажется, здешнее вино не плохо, но надо заслужить нашивку, чтобы его отведать.

После вечернего суна и молитвы вешают койки. «Дядька» храпит в своей постели.

В первый раз Рауля разбудили внезапно. Он закричал, увидев перед собой, почти под самой лампой, толстого Марке.

«Дядька» проснулся. Марке получил удар деревянной подошвой по ногам. Взяли его фишку, и на другой день после суда он был отправлен в дисциплинарное отделение.

Он прошел, конвоируемый двумя старшинами, мимо Рауля и, глядя ему прямо в глаза, произнес:

— Ты!.. Ты еще не кончил!

* * *

Если бы он продолжал кричать, старшие бы с ним расправились. Можно, например, получить здоровый толчок и свалиться с телеги под колеса. К тому же «обезьяна» не любит историй.

Пришлось отправить его в Белиль, где имеются одиночные дортуары. Вечером надзиратель запирает все двери сразу, поворачивая рычаг; вы замурованы. Перегородки между камерами покрыты железной решеткой.

Спать в клетке — какое это иногда счастье!

Никогда еще Рауль не спал так хорошо.

Но раз ночью ему снится, что он строгает в столярной мастерской. Вокруг него стружки падают, жж... жж...

Что за странный шум... Дерево твердо, как металл... Это стальные стружки, жж... жж... Он выбивается из сил и пробуждается в ужасе. Лампы слабо мерцают, несколько храпунов составляют странный концерт. Клетки хорошо заперты.

— Жж... жж... жж...

Это над его головой. Решетка слегка колышется...
жж... жж...

Рауль видит, как в углу левой перегородки движется взад и вперед тоненькая палочка: это нацильник...

Камю понадобилось восемь дней, чтобы пропилить пятьдесят сантиметров решетки, и все эти восемь дней ни Камю, ни Рауль не спали...

Один раз сторож, совершая ночной обход, остановился у его камеры. Рауль счел себя спасенным, он нарочно ворочается в кровати, чтобы привлечь внимание; он даже встал. Он споткнулся о ночной горшок. Сторож взял его фишку, и на следующий день его посадили на сухой хлеб.

В течение этих восьми дней Камю и Рауль не разговаривали друг с другом, делали вид, что друг друга не замечают. Камю — крупный парень, всегда грязный; никто не смеет смеяться над безобразящей его лицо заячьей губой, так как на него находят пристуны бешенства.

Рауль мог целую неделю рассматривать его на дворе. Ему приходило в голову пойти к надзирателю и показать ему решетку, но это рано или поздно стало бы известным...

Наконец, настала ночь, когда Камю сумел присоединить решетку. Он навалился на постель Рауля.

— Не вори, не то я тебя задушу...

Его послали за пенькой для веревок. Это было зимой, в шесть часов вечера. Он торопился, так как было холодно. В огромном зале ни души. Он бросает свой тюк и быстро направляется к двери.

— А, это ты, «Девка»!

Это Вайяр зовет его.

— Это ты, Вайяр?

— Подойди-ка сюда.

Вайяр хватает его за руки и опрокидывает его на пеньку.

Иногда и сами сторожа хотят иметь покой.

Им не терпится... пусть распутываются сами,

Гораздо проще закрыть глаза, чем смотреть.

По середине двора имеется учебное судно на цементном цоколе, а на краю его — небольшой парус.

Когда парус опущен, он похож на койку.

Однажды вечером их было на дворе четырнадцать человек вместе со сторожем.

— Идем на парус...

Сторож точно оглох.

— Идем, мы сговорились.

И Рауль должен был сходить туда четырнадцать раз.

* * *

— Когда я явился в Белиль,—сказал мне Кутанзо,— они увидели, что я не люблю несправедливости и имею достаточно крепкие кулаки, чтобы заставить себя слушать.

Я имел немало объяснений как с воспитанниками, так и с надзирателями.

Когда Бошан узнал меня, он подошел ко мне и спросил.

— Хочешь, чтобы я был только твоей женой?

— Г-н Рубо, это не по моей части, вы можете просмотреть мои наказания, за это—никогда. Но я дал понять другим, что это так. И они его остались в покое.

* * *

Раулю Бошан теперь восемнадцать лет; он пользуется условной свободой: его определили во флот.

Г-жа Керпонкуф навестила его.

— Это уже мужчина,—сказала она —но он мил, как девочка.

И глубокомысленно прибавила:

— Он был создан, чтобы быть хорошо воспитанным.

КЛЕРМОН

БАШНЯ ПАДПИХ ДЕВУШЕК

Клермон (департ. Уазы), сентябрь.

Я только-что видел Мари Лазаль в замке «Отверженных Девушек».

Она находится теперь в подвалах замка; я должен был спуститься по винтовой лестнице, ведущей в подземелья, в которых клермонские графы замуровывали своих врагов. Это—сырые погреба без воздуха и света.

Г-жа Скоффони меня успокаивает:

— Мы их не употребляем.

И действительно, карцер Мари Лазаль освещен слуховым окном с железной решеткой. Маленькая пленица, извещенная звяканьем ключей о нашем появлении, ждет нас, выпрямившись. Это — блондинка, в глазах ее светится отблеск убогого неба, еле видного сквозь слуховое окошко; клетчатый синий с белым малат ее не безобразит.

— За что ты наказана?

— Г-жа инспекториса, я здесь по собственному желанию.

— На тебя опять нашло?

— Да, г-жа инспекториса.

————— А теперь?

— Завтра с этим будет покончено, г-жа инспектриса...

Мари Лазаль, спустившись в подземную тюрьму, «покончила с собой» на две недели. Быть может, Луиза Муссон раскается, что довела ее до такого отчаяния, ни разу не взглянув на нее среди томительной тишины мастерской.

* * *

Обыкновенно она находится во втором этаже, в исправительном отделении и работает в белошвейной. Ее прислали из другого отделения, которое называется «пенитенциарной школой».

— Как она туда попала?

— Надо познакомиться с ее историей:

Мари Лазаль было двенадцать лет, когда любовник матери «усыновил» ее и дал ей свое имя.

Это был высокий бледный парень, промышлявший чем попало.

Через два года умирает мать.

Мари очень велика для своего возраста; квартира, в которой она живет с Лазалем, состоит всего-навсего из одной комнаты. Ну...

* * *

Лазаля не держат и двух дней на одном месте. В былое время мать Мари прокармливала всю семью...

Достаточно было при наступлении вечера выйти на улицу и поджидать, «напевая»...

Теперь настала очередь за Мари.

Сначала она не решается, но Лазаль сердится. Она уступает.

В один из таких вечеров ее забрала полиция. Г-н комиссар отправил ее в тюрьму. Детский суд оправдал ее, «как действовавшую без разумения», и «направил в пенитенциарную колонию вплоть до совершеннолетия».

За нею приехала надзирательница.

Она поднимается по крутой дороге, окаймленной цветущими садами. Пусть она хорошенько всмотрится в цветы у портала, она уже не спустится вниз ранее, как через шесть лет.

Стены высоки, тяжелая дверь захлопнулась. Ей дали передник с синими клетками.

* * *

Вопреки своей матери, вопреки своему приемному отцу, вопреки улице Мари осталась невинной девушкой.

Но здесь надзирательницы называются «старухами», сторожа «дядьками», а старшие воспитанницы разговаривают с вами, как мужчины.

Разве можно любить «старух»?

Против них составляют заговоры иногда по пять, по шесть человек.

Являются «дядьки» и усмиряют бунтударами деревянных подошв.

Однажды Мари Лазаль последовала примеру других. Сторож надел на нее смирительную рубаху.

На суде г-н директор и г-жа инспектора приговорили ее к пятнадцати дням карцера. По выходе оттуда она переменила отделение и стала работать в исправительном.

Там она встретила Луизу Муссон. Ее глаза были такие нежные.

Когда Луиза Муссон перестала на нее смотреть, она попросилась в карцер и «покончила с собой» на пятнадцать дней...

Завтра Мари Лазаль поднимется во второй этаж башни.

Г-жа Скоффони ведет меня туда по старой каменной лестнице.

— Здесь чудесный вид.

Действительно, замок «Отверженных Девушек» господствует над зеленою долиной: большие деревни с шиферными крышами, парки с их новыми замками, расположенными над бархатными лужайками, леса, небольшая речка, виадуки, железные дороги...

При входе г-жи инспекторы девушки в мастерской встают.

— Сидите, дети!.. Продолжайте вашу работу! Что ты делаешь, Гийоне? Вяжешь?

— Это шерстяной платок...

— Все тот же...

Когда Гийоне оканчивает работу, ею овладевает бешенство, и она распускает платок петлю за петлей. Завтра она начнет снова, все с той же шерстью.

* * *

— Где ножницы?

— Они у меня, г-жа инспекториса, — поспешно отвечает надзирательница...

— За ними надо хорошенъко смотреть.

На всю мастерскую только одна пара ножниц... Каждая работница пользуется ими, когда ей нужно. Они могут быть страшным оружием.

И однако на днях Луизетта Фонтанино сумела их захватить.

Накануне привезли новенькую.

Она приехала из города, и у нее были подстриженные волосы.

Фонтанино распустила свои косы и обрезала их несколькими ударами ножниц.

— И мне, Фонтанино!

— И мне!

— Обстриги и меня.

Теперь все девушки в башне причесаны по-модному.

* * *

Все, кроме Марты Алабле. Эта — самая дисциплинированная. Она здесь с тринадцати лет и ни разу не заслужила наказания.

Когда г-жа Скоффони говорит о воспитаннице, та, на которую она указывает, встает. И я вижу у окна тоненькую, хрупкую Марту Алабле. На ее переднике нет ни одной складки, тщательно причесанные волосы обрамляют лоб скромной пансионерки. Она смотрит на нас с почтением.

— Почему она в этом отделении?

— Мы просили для нее условного освобождения, но министр отказал.

Марте было тринадцать лет, когда родители отдали ее в няньки к соседям.

Ей приходилось смотреть за двумя малютками. Работа ей не нравилась. Ей хотелось вернуться домой.

Однажды она села на голову одного из близнецов и задушила его.

Родители ничего не заподозрили и не отослали ее после смерти малютки.

Она убила второго.

* * *

Мари Лазаль выйдет завтра из карцера и поднимется в башню.

Она будет ждать.

Через пять лет она достигнет совершеннолетия: она сядет в вагон в синем шерстяном платье, совсем новом, с несколькими десятифранковыми билетами в своем дорожном мешке.

И она вступит в жизнь.

«ЗАПИСКИ»

Клермон (департ. Уазы), сентябрь.

Так легко закрыть глаза: страдание проходит мимо вас, но вы его не замечаете.

Когда оно прошло, вы говорите себе: «Мне это было бы слишком тяжело. Есть раны, на которые лучше не глядеть».

Да, но, если никто на них не смотрит, кто же их исцелит?

По ночам Аижель Пари продавала в кафе букеты.

— Букет для мадам?

Она умела угадывать, кто из мужчин не решится отказать.

— Три франка!

Вечером она отдавала выручку своему старшему брату. Но старший брат занимался темными делами.

❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖

Однажды он попался. Суд, которому он уже раньше был известен, приговорил его к заключению на два года.

Анжель была еще девчонка, ее отдали крестьянам; она сбежала. В поезде кондуктор «воспользовался» ею.

И вот она в Клермоне, в замке «Отверженных Девушек». Ей шестнадцать лет. Она никогда не слышала ласкового слова.

* * *

Когда я приехала, г-жа инспектора позвала меня в канцелярию и сказала:

— Ты не дурная девушка, я уверена, что ты хорошая: то, что с тобою случилось, не так уж важно, но ты жила в дурной компании и могла бы там испортиться. Если ты приложишь немного усилий, мы сделаем из тебя честную женщину. Через год и даже раньше мы можем устроить тебя в городе, и ты научишься служить в домах. А потом тебе пришлют мужа...

На другой день г-н доктор освидетельствовал меня. Мне было стыдно, и я плакала.

Во время рекреации все на меня смотрели. Одна из старших спросила:

— Любишь ли ты женщин?

Я подумала, что она говорит о надзирательницах и ответила, что г-жа воспитательница была со мной мила.

Другая предложила мне:

— Хочешь за меня выйти замуж?

* * *

Крепость клермонских девушек расположена на лесистом холме, который служит городским парком. Деревья растут даже во рвах. Обходя высокие стены, я заметил искривленный дуб, выросший под крытым сводом. Вместо неба ветви его встретили тяжелый камень, они все-таки добрались до открытого воздуха, но ствол искривился в поисках солнца...

Все существа, живущие здесь, нуждаются в солнце, даже маленькие заброшенные продавщицы цветов.

* * *

Его находят, где могут. Классные уроки превращаются в часы мечтаний. Тут есть бумага и карандаш. «Старуха» не может уследить за всеми. Пишут записки.

Надо положить листок бумаги на колени и писать, устремляя взоры в потолок.

— Болит рука, так как у меня неудобное положение, и я боюсь попасться...

«Моя милая Нана.

Я не хочу, чтобы ты говорила, что я тебя брошаю. Ты меня огорчаешь, ты прекрасно знаешь, что твоя Вайо не забывает тебя...

Я так давно не говорила о любви...»

В дортуаре бодрствует:

«На меня находит сон, я вижу, что мне нехватит бумаги, а потому кончу мою записку.

Я благодарю тебя за то, что ты мне передала, но ты неблагоразумна...

Ну, моя милая Розетта, я с нетерпением жду завтрашнего дня, чтобы быть около тебя...»

Они мечтают, что тяжелая дверь распахнется:

«Мы будем на свободе, мы не будем страдать в этом проклятом доме. Твоя Вонет даст тебе счастье. Ты была моей первой женой. Прежде я не знала, что такая женщина, а теперь...»

Стены замыкают горизонт, мощеный дворик не имеет просвета, но они блуждают в стране любви:

«Я не хочу мириться с нею. Ты тоже говоришь мне, что любишь меня. Должна ли я этому верить, да или нет? Скажи мне, так как в моем сердце проходит ужасная борьба».

Вспоминают:

«И сказать только, что надо было попасть сюда, чтобы быть вместе. Я отдалась, это мое единственное воспоминание».

Дают советы:

«Если ты не хочешь меня послушаться относительно прически, я никогда не буду с тобою разговаривать...»

Я думаю, моя Нини, что завтра тебе следует пройтись со мной.

Но ты должна сделать все, чтобы лучше причесаться».

Беседуют:

«Еще маленькая записочка, чтобы доказать тебе, что твоя Жизель попрежнему тебя любит.

Я не знаю, помиришься ли ты со мной, но я требую, чтобы ты мне ответила. Скажи, что ты думаешь. Я хотела бы быть твоей женой... Ты только говори со мною; это — все, о чем я прошу».

Впадают в экзальтацию:

«Я отдаю тебе мое сердце в жгучем поцелуе любви...»

Нежничают:

«Спи сладко, моя брюнеточка».

Благодарят:

«Я счастлива, потому что ты говорила со мной
дольше обычного...»

Многие из записок нацарапаны на обратной стороне официальных бюллетеней пенитенциарной школы... Поворачивая записку, вы видите печатный опросный бланк.

«Состояние здоровья во время пребывания...

Изменения в физическом состоянии.

Вменяемость в настоящее время и в будущем...

Расстройство нервной системы...»

Анжель Пари могла бы расти прямо, как деревья в саду, но ее изуродовали своды.

— Когда они дали мне потихоньку французскую булавку, я не поняла. Когда я узнала, что они вонзают ее себе в тело, я испугалась.

Лишь много позже Ивонетта написала мне записку, которую вы видите перед собою.

«Я видела, что ты обрадовалась французской булавке... Я пользуюсь этим, чтобы передать тебе ту, которую я обещала».

Как я была рада. Я была без ума от радости.

* * *

Некоторые из старших говорили мне:

— Пока ты меня не полюбишь, я буду отрезывать себе по кусочку тела.

И они делали это.

Анжель прибавила после некоторого молчания:

— Если бы вы только знали, что тут делают!..

* * *

Вам сказали, что темные карьеры не в употреблении. Это неправда. Берта Мэзон и теперь там сидит. Там тьма и холод. Все липнет. Не решаешься лечь на пол; если шевельнется мышь, вас охватывает ужас, потому что вы ее не видите, колотясь в дверь. Берта разбила до крови кулаки. «Дядька» открыл и надел на нее смирительную рубашку.

* * *

Мари, Анжель, Берта!... Вы носите те же имена, что и наши дети!

ДУЛЛЕН

Г-Н ПУПАР И ЕГО МАЛЮТКИ

Дуллен, сентябрь.

От Клермона до Дуллена несколько часов езды. Идет дождь... Поезд углубляется в бесконечный туман. Я покинул замок «Отверженных Девушек».

В дулленской крепости я прежде всего потребую показать мне места заключения и заставлю открыть все карцеры.

* * *

Это—сильная, большая крепость, давно утратившая свое военное значение. Испанцы воздвигли ее против Франции. Вобан повернул ее в сторону Фландрии. Впоследствии она превратилась в неизбежную башмачную мастерскую, которую официально называют центральной тюрьмой. Наконец, в 1914 году англичане поместили здесь канадский госпиталь.

Старый подъемный мост превратился в красивый спуск. Миролюбивые коровы щиплют во рвах траву. На стене, над дверью можно прочитать—

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК.

— Г-н директор, я хотел бы начать с карцеров.
— Вот они... но они пусты.
— Ни одной наказанной?
— Карцерное отделение было пустым, когда я приехал в Дуллен, таким оно и осталось. Я-то уж никого туда не отправлю.

Г-н Пупар наслаждается моим удивленным молчанием с видом знатока.

И прибавляет хитро:

— Вы из Клермона?..

Потом он потирает руки...

Добродушие г-на Пупара гармонирует с его именем... и с его толщиной. Его щеки, глаза... и живот полны приятности.

— Вы никогда не наказываете?..

— Извините, я даже сам избрел самое страшное и самое действенное из наказаний...

Мы входим в швейную. При нашем появлении работницы в синих клетчатых передниках поднимаются с мест.

— Здравствуйте, малютки..

Они отвечают в один голос:

— Здравствуйте, г-н директор...

— Я привел к вам г-на Рубо, одного из редакторов «Ежедневной Газеты», который приехал в Дуллен вас навестить. Мне бы хотелось, чтобы у него составилось хорошее мнение о школе.

—————
— Да, г-н директор.

— И если я буду недоволен, если опять будут дурные отметки, как в прошлом месяце, тогда все кончено...

Двадцать встревоженных лиц уставились на г-на Пупара, который заканчивает свою угрозу.

— Тогда все кончено, я больше не приду...

Теперь все двадцать ртов протестуют.

— Этого больше не будет. Мы вам обещали... Не все же виноваты... Я ведь получила лиловую ленту.

— Ты, Мари Жильяр, ты получила лиловую ленту? Очевидно, ее некому было дать...

* * *

В прошлом месяце, в одно из воскресений, во время распределения лент, г-н Пупар сократил свою речь. Он ограничился кратким заявлением:

— Я только-что раздал ленты, их немного. Я думал, что вы стремитесь доставить мне удовольствие. Я ошибся.

На другой день и следующие за ним г-н Пупар не заходил в мастерская. Его не было видно ни во дворе, ни в коридорах, он исчез...

На следующее воскресенье одна старшая воспитательница присутствовала при распределении наград.

Леони Матью первая нарушила молчание: она закрыла лицо руками и заплакала. Другие последо-

вали ее примеру. Шелковые ленты, лиловые и красные, были залиты слезами.

Наконец, г-жа воспитательница, которой было поручено вести мирные переговоры, добилась соглашения: г-н директор перестал дуться.

— Я сам изобрел это наказание,— закончил г-н Пупар.

* * *

Но есть и действительно наказанные...

Например, Тереза Мешен.

— А! Вот и ты!

Она рыдает...

— Теперь уже не время плакать!

Это — высокая блондинка, с розовыми щеками и тяжелыми движениями; она кажется кроткой и пассивной...

— И ты поверила обещаниям? Я должен был кое-что заподозрить, когда отправлял тебя в город... Он сказал, что женится... И ты теперь не знаешь, где он...

Тереза Мешен будет переведена в отделение для матерей.

* * *

Это двенадцать небольших камер, окрашенных в серый цвет. В каждой из них белая кровать воспитанницы и рядом с ней колыбелька.

Сами матери — еще дети.

Жанна Рилле исполняет в настоящее время должность сиделки, но у нее уже есть своя кровать около пустой еще колыбельки.

— Как ты его назовешь?

— Жан.

— А если будет девочка?..

— Увидим... Я не знаю.

Маргарита Валантэн — маленькая, бледная, хрупкая левушка. Минуло ли ей семнадцать лет? Младенец смеется у нее на руках...

— Это маленький Валантэн?

— Да, г-н директор, это Анри.

Г-н Пупар щекочет своим толстым пальцем маленький носик ребенка, который широко раскрывает рот.

— Рири, Рири, это Рири!..

Элен Воре, брюнетка с живыми глазками, шьет маленькие штанишки.

— Это для маленького Воре?

— Взгляните на него, г-н директор.

В каютке № 7 маленький Воре крепко спит, сжав кулачонки...

И мне внезапно приходит в голову:

— Когда маленький Воре проснется?..

* * *

Когда маленький Воре проснется, когда он сделает свои первые неверные шаги, г-н Пупар уже устроит отделение для малюток.

— Нет... нет... я не отдаю этих малышей попечительству. Материнское отделение в Дуллене только что организовано, но каждая мать останется при своем ребенке. Детское отделение начнет функционировать, как только малыши выйдут из своих колыбелеек.

— А когда мать окончит свой срок?

— Она возьмет с собой ребенка... У него будет приданое, а у нее небольшие сбережения.

— Сколько?

— От двухсот до трехсот франков.

— Куда же они денутся?

Маленький Воре зашевелился, он вытянул ручонки. Мы говорили слишком громко.

— Шш... не разбудите его...

СТО СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ СЕРДЕЦ БИЛИСЬ ДЛЯ Г-НА БЛОНА

Дуллен, сентябрь.

Не следует думать, что 179 воспитанниц Дуллена тотчас же отдали г-ну Пупару, начальнику крепости, свои 179 сердец, которые бились для г-на Блона.

Год тому назад здесь еще царил г-н Блон. Это был добрый, морщинистый человек, с ласковыми глазами и всклокоченной бородой. Он приехал сюда из Кайенны, где заведывал каторжными работами.

Данте, конечно, ничего не видел, но, если прожить четыре года среди каторжан Гвианы, можно, по всей вероятности, быть лучше осведомленным. И вот как г-н Блон начал свою деятельность на новом поприще.

В те времена карцеры крепости не пустовали. Смирительных рубах нехватало для всех бешеных: маленькие преступницы изобретали все новые и новые пороки.

Г-н Блон уволил недостойных надзирательниц, очистил карцеры и запер на ключ смирительные рубашки.

Он посетил классы, дортуары.

На пороге лазарета он встретил измощенную, бледную девушку, опирающуюся на руку служанки. На ней было новое городское платье.

— Ты освобождена?

— Нет, я еду в Амьен.

Ее отправляли в больницу, чтобы там умереть.

— Ты скоро вернешься, не правда ли? Я тебя навещу и привезу тебе гостинцев...

Г-н Блон привлек к себе маленькую больную, обнял ее и запечатлел два крепких поцелуя на ее бескровленных щеках...

* * *

На следующий день ему принесли тетрадь, в которую записывали наказанных.

Он прочел:

«Мари Мов: без причины смеялась в дортуаре». Он велел позвать преступницу.
— Почему ты смеялась?
— Я не знаю, г-н директор.
— И я не знаю... Не понимаю, как ты могла смеяться. Здесь совсем не смешно!

* * *

— Как печально в вашей трапезной; от этих стен болят глаза. Я повешу вам картишки.

У него был запас хороших цветных картинок из «Иллюстрации». Смастерили бумажные рамки. Сделали искусственные цветы и разноцветные абажуры на лампы...

Трапезная превратилась в столовую.

* * *

В удушливой атмосфере тюрьмы самый воздух становится порочным. Сердца развращаются, даже дружба и та становится подозрительной. Самые лучшие слова выражают грязные мысли.

Леони Маринье сумела выискать в самом невинном репертуаре очень скверную песенку. Она напевала ее во дворе, тайком, собрав вокруг себя небольшую группу и подстерегая появление «старухи».

Внезапно появился сам г-н директор.

— Где ты этому научилась?
— Я слышала это в Гетэ.

— «Паяцы?»

— Да, г-н директор.

— Это хорошая вецица... Спой мне ее...

— Я не смею, г-н директор.

Окружающие ожидали со страхом: кончится это приключение карцером или отдаются сухим хлебом на несколько дней?

— Г-жа надзирательница, позовите всех.

Рекреация была прервана, и все собрались вокруг г-на Блона.

— Дети, мы сейчас услышим мадемуазель Леони Мариине в «Паяцах». Ну что же, начинай...

Леони молчала. Он начал сам:

— Любовь...

Леони сделала усилие и повторила упавшим голосом:

— Любовь...

— Ну, громче.

Раздался смех. Подобной сцены заключенные никогда не видывали.

— Давай петь вместе.

И г-н Блон вторил могучим басом тоненькому голоску Леони.

Любовь нас всех крылами осеняет,

Любовь все наши беды устраниет.

Любовь нам утешение дает,

Любовь нам всем свободу принесет.

По окончании он хлопнул в ладоши и провозгласил:

— Я предлагаю чествовать мадемуазель Маринье.

И тут радость вырвалась наружу, мрачные лица просияли, маленькая Лутель продолжала вместе с другими хихикать в свой передник, а Германи Симон, которая не могла больше сдерживаться, забылась до того, что закричала во весь голос:

— Это чудесно!..

В удушливую атмосферу тюрьмы ворвался свежий воздух.

Тогда г-н Блон снова принял серьезный вид и знаком призвал к молчанию.

* * *

— Дети мои, не надо прятаться, чтобы петь хорошие песни. А эта как-раз очень кстати. Разве вы не чувствуете, как всех вас осеняет моя любовь? Разве я вас не люблю?.. Разве и вы не хотите немного меня полюбить?

А ваши «дамы», разве у них не такое же сердце, как у вас и у меня?.. Их жизнь немного приятнее, чем ваша.

В сущности, мы все тут несчастные. «Любовь» должна помочь нам переносить наши маленькие огорчения. Конечно, в семье гораздо лучше. И я бы хотел быть для вас, хоть немного отцом, чтобы вас утешить.

Вы только-что смеялись; я хочу, чтобы вы смеялись как можно чаще. Всегда грустно, если друг друга ненавидеть! «Любовь нам утешение дает».

Вы здесь не навсегда, но не хорошо, если по выходе вы унесете отсюда дурные воспоминания, нехорошо, если вы будете бунтовать и злобиться. Вы будете причинять зло, и вам его причинят. Все устроится, если приложить немного усилий... Всегда найдется добрый человек, готовый жениться на хорошей девушке...

«Любовь нам всем свободу принесет».

Так г-н Блон комментировал «Паяцев».

* * *

Но вот г-н Блон, который явился сюда с каторги, получил новое назначение. Какое это было отчаяние... Ни игр, ни песен во дворе...

Одна плакала, другие плакали, это так заразительно. Луиза Барон и Матильда Эвен, которые всегда хотят выделиться, поднялись на гласис—стена имеет восемь метров вышины—и бросились в ров.

* * *

Затем явился г-н Пупар. Никакое горе не вечно. Надо будет наблюдать за гласисом, когда г-н Пупар уйдет.

СМИРИТЕЛЬНАЯ РУБАШКА

Ни г-н Блон, ни г-н Пупар никогда не видели смирительной рубашки. Они сложены на чердаке, если только крысы их не уничтожили.

Но на Кларетт Манжен, которая попала сюда из Рени, надевали ее, как и на многих других.

— И на Кларетт?

Она совсем не испорченная девушка. В Дуллене она не заслужила ни одного выговора. Она ни с кем не заводила предосудительных отношений. Но она проказница; она дает представления...

— Это мое ремесло, я — комедиантка.

Она была кассирщицей в Ансенизе в «Русском Манеже», который содержал ее отчим. Механический оркестр гремел на двадцати медных трубах. На Кларетт были красные полотняные башмаки, белые штаны кавалерийского офицера, гусарский бархатный ментик, вышитый золотом, и черная барабашковая шапка... Во время войны клиенты были немногочисленны; приходилось после каждого шести туров зазывать публику. И она танцевала на вертящейся подставке, скрестив на груди руки.

Попавши в Рени, она протанцевала казачка в дортуаре.

卷六

Туда ее отправили за «проституцию».

Но это—судебная ошибка, что может подтвердить дулленский доктор, который «нанес ей визит».

Вот как было дело:

Отчим ее, г-н Риболэ, желал ей зла... или, вернее, «ее желал».

— Это ясно уже из того, что мама сама дала мне денег на отъезд.

Она уехала в Париж и тотчас же стала работать на армию.

Она могла бы жить недурно.

平
古

Она приехала в полночь на Орсейский вокзал и не нашла места в гостинице.

Какой-то господин, приличного вида, заметил ее замешательство.

— Вы ищете дорогу?

— Я ищу отель.

— Уже поздно, они закрыты. Но я живу поблизости.

И он прибавил.

— У меня двенадцатилетняя девочка. Моя жена с удовольствием вас примет.

Прежде чем двинуться в путь, он купил в буфете холодного жареного цыпленка.

У него было очень прилично, но ни жены ни дочери не оказалось.

Он объяснил:

— Они, должно быть, остались в Кламаре у родителей моей жены. Я рассчитывал, что они вернутся. Но жена предупредила, что не стоит ждать после девяти часов.

Сели за стол. Она съела ножку цыпленка и выпила стакан белого мускатного вина, которое какой-то приятель прислал из Нанта. У него две комнаты: «его», с большою кроватью, и «дочкина».

Кларетт хочет направиться в маленькую комнату, он не протестует:

— Лучше не трогать кровати: моя жена увидит завтра, что кто-то здесь почевал, и у меня будут неприятности.

Тогда она надевает шляпу и хочет уйти.

— Вас арестуют. Будут спрашивать, куда вы идете и откуда...

— Я скажу, что иду от вас.

Он испугался, дал ей улечься, поцеловав чересчур длительно, и вернулся в свою комнату один с проклятием:

— Распутная девчонка...

Утром, в 7 часов, он постучался, принес ей кофе, хлеба с маслом и не казался сердитым.

— Хорошо ли вы спали в постели моей дочери?

Затем он попросту поцеловал ее в обе щечки и сказал:

————— Простите меня.

Когда она уходила, он предложил ей немного денег. Она отказалась и показала ему стофранковый билет, который мать дала ей на дорогу.

Доктор пенитенциарной школы может еще раз подтвердить, что Кларетт Манжен сама сумела себя уберечь.

* * *

Этот билет и погубил ее.

Когда агенты задержали ее вследствие телеграммы из Ансениза, она не захотела сознаться, что г-жа Раболэ принимала участие в ее отъезде, так как г-н Раболэ был не в ладах со своей женой.

Она зарабатывала по десяти франков в день в течение недели, но этого было недостаточно, чтобы объяснить сбережения в сто франков. И она попала в Ренн.

В Ренн были отправлены воспитанницы из Дулленской крепости, где поместили канадский военный госпиталь.

Казачка она протанцовала в дортуарах св. Мадлены далеко не в первый же вечер. Почти каждую ночь, при малейшем шорохе «старуха» призывала сторожей. Они являлись вчетвером, поднимали с кровати четырех воспитанниц, срывая с них одеяла.

— Ну, вас, скорей...

Не было времени надеть юбку и приходилось спускаться в одной рубашке.

Сторожа вели их в класс и надевали смирительную рубашку.

* * *

Смирительная рубашка?

У нее два глухих рукава, стянутые тесемкой, куда запихивают концы пальцев, стягивая их, как можно сильнее.

Затем вам загибают руки назад в форме андреевского креста, так что левая рука приходится на правом плече, а правая на левом.

Рукава перекидываются вперед, как скрещенные подтяжки, и обматываются вокруг талии.

Достаточно стянуть талию, и стягиваешь все тело. Сторож тащит с одной стороны, надзирательница с другой; если сильно стягивать, грудь сдавливается, и фигура делается сгорбленной, как у старушки.

Сперва задыхаешься, как от холодного душа, затем кровь бросается в лицо.

Если девушка лишается чувств, сторож торопится. Он не теряет времени на развязывание, а разрезает рубашку ножницами.

Особенно после несчастья с маленькой Мазюрье в отделении св. Габриила.

— Мазюрье?

— Это ни для кого не тайна. В скорбном листке был помечен удар, но она умерла в смирительной рубашке.

* * *

Кларетт Манжен была в первый раз замечена, когда г-н директор неожиданно появился на дворе во время рекреации.

Она просто сказала:

— Чорт возьми... Вот и «батька».

И получила пять дней карцера без смирительной рубашки. Но надзирательница и сторож ее заметили.

В тот вечер, когда она протанцовала казачка перед своей кроватью, она сразу попалась.

Г-н Галенн, старший сторож, занялся ею специально.

Она пробыла в тисках восемь часов вместе с Мадлен Орок и Сюзи Латуш, которые аккомпанировали ее танцу, хлопая в ладоши.

Наконец, г-н Галенн смилиостивился.

— Я вас развязжу, если вы попросите прощения, как следует.

Нужно встать на колени и лечь на пол. Так как руки связаны, то приходится ползать, не имея возможности подняться.

* * *

Затем уже плывешь по течению. Кларетт всегда была обречена, что бы она ни сделала. Ей случалось

по пятнадцати дней под ряд оставаться в карцере в смирительной рубашке: ее не развязывали.

— Но как же...

— Вы, г-н Рубо, видели карцеры, в каждом из них есть дыра: устраиваешься, как умеешь...

* * *

Что касается супа, то ведь нет ни стола, ни скамьи... ни рук.

Надзиратель ставит миску на пол и уходит. Он как будто нарочно ставит ее неподалеку от дыры, которая всегда испачкана.

Остается только толкнуть миску ногой, лечь плашмя и есть свой суп на полу.

— Вы плачете?

— Мне стыдно.

* * *

У Кларетт Манжен небольшое лиловое пятно на шее.

— Я воткнула сюда булавку, но не по извращенности.

— Так для чего же?

— От досады.

— Но вы же сделали себе больно...

— Мне хотелось страдать от чего-нибудь другого, а не от моего несчастья.

ШКОЛА КАТОРГИ

ШКОЛА КАТОРГИ

Когда «Еженедельная Газета» поручила мне обследовать исправительные колонии и пенитенциарные школы, милейший директор этих заведений, г-н Ежен Леру, был, повидимому, очень доволен.

— Надеюсь,—сказал он мне,—вы разрушите легенды о детских тюрьмах, которыми так охотно питается наша фельетонная пресса. Заведения, которые вы посетите, не имеют ничего общего с тюрьмой. Это просто профессиональные школы.

Я выбрал три типичных школы:

Аниан, где обучаются индустриальные рабочие, Белиль, где готовятся земледельцы и моряки, и Дуллен, откуда выходят прислуги и портнихи.

Я посетил также два исправительных дома, куда они отправляют свои отбросы. В Эйсе — для мальчиков, в Клермоне — для девочек.

Заведующие этими заведениями любезно пошли мне навстречу, и я очень стыжусь своей неблагодарности по отношению к ним. Это интеллигентные работники, которые выполняют свою тяжелую задачу с возможной гуманностью, но которые не могут со своими ограниченными полномочиями в узких рамках

одной своей колонии реформировать учреждение, самый принцип которого — необходимо это признать — в корне неправилен.

* * *

Я признаю, что Аниан является своего рода ремесленной школой, но школой жестокой, которая ничего не дает ни уму, ни сердцу. Ремеслу можно научиться, работая в течение пяти лет по тринадцати, четырнадцати часов ежедневно, но так учатся и ненависти к труду... Рабочие-подростки, которые неповинны ни в каком преступлении и которые по точному смыслу закона не наказаны, имеют право требовать «восьми часов», признанных для взрослых.

Белиль подготавливает сельско-хозяйственных рабочих и матросов. Эти молодые люди после освобождения обыкновенно попадают в армию и флот и лучше всего для них, если они там остаются.

Дуллен — питомник прислуг. В настоящее время это прибыльное занятие, бо государство могло бы иметь больше честолюбия для своих питомиц.

Эйс и Клермон — очень оригинальные тюрьмы, куда сажают и невинных и преступных и откуда выходят апаши и публичные женщины.

* * *

Неправильный принцип как-раз и заключается в смешении волков и овец.

Население исправительных колоний состоит:

1. Из несовершеннолетних, приговоренных к тюремному заключению.

2. Из несовершеннолетних, оправданных по суду.

3. Из питомцев попечительства, которые вызвали недовольство своей мачехи.

4. Из детей, наказанных отцом или опекуном в силу родительских прав.

Среди первой категории я видел отцеубийц, убийц-дилетантов, девочек-убийц... одним словом, чудовищ. Их пороки неисправимы.

Но остальные три категории,—это просто несчастные дети.

Все их преступление — в том, что они родились.

Я видел четырнадцатилетнего мальчика, который в компании с двадцатипятилетним молодым человеком украл велосипед. Велосипед стоял у кафе, опираясь педалью на тротуар. Молодой человек сказал ребенку: «Пойди, возьми мой велосипед, он в красной раме, приведи его мне сюда за угол, и я дам тебе пять франков».

Ребенок, конечно, понимал, в чем дело; краткая и легкая работа была оценена слишком дорого, она не могла быть честной. Оба были арестованы и предстали перед судом.

Старший вор был приговорен к 15 дням тюрьмы.

Маленький оправдан, но его направили в пенитенциарную колонию. Там он останется до совершеннолетия, т. е. в течение 7 лет.

По отношению к питомцам попечительства несправедливость еще ужаснее. Про них нельзя сказать, что они оправданы, они даже не были обвинены.

Их поместили к крестьянам. Четырнадцатичасовой рабочий день летом, самые тяжелые работы зимой, побои... Они удрали.

Наконец, родительские права дают место самым ужасным злоупотреблениям. Бывший директор «Петит Рокетт» знал среди своих воспитанников тринадцатилетнего мальчика, которого мать отдала на исправление на три летних месяца, чтобы без помехи провести каникулы со своим любовником.

* * *

Совершенно недопустимо, чтобы дети были жестоко наказаны, ни в чем не провинившиеся; еще более возмутительно, что под предлогом перевоспитания их развращают.

Директор одной колонии, которую я не видел и не хочу называть, сказал мне:

— Все, что претерпевают наши дети, не имело бы значения, — если бы их действительно спасали. Но я утверждаю и могу доказать, что все или почти все кончают Гвианой.

И он добавил, говоря о своем собственном заведении:

— То, что я видел в этом доме, прямо-таки не поддается описанию, и мне было бы стыдно так

долго оставаться в этой клоаке, если бы я не сделал все, что только мог, чтобы ее очистить.

— Если бы какой-нибудь гений зла стал искать состав бульона для культуры микробы порочности и преступления, он не мог бы найти ничего лучшего, чем «исправительная колония».

* * *

Порочность в особенности.

В пенитенциарных школах девушки живут в заразительной атмосфере истерии.

То же половое извращение встречается в менее болезненных, но более грубых формах в колониях для мальчиков.

Совершенно понятно, что я принимаю меры, чтобы не скомпрометировать служащих, которые дали мне разъяснения, и сохранить анонимность воспитанников, подтверждавших это своими показаниями. Но я могу привести отрывок письма, адресованного мне воспитателем одной из южных колоний.

«Подростки 14 лет, маленькие бродяжки, подобранные на улицах Грёзеля или на марсельских набережных, сбежавшие воспитанники попечительства смешиваются с 17-летними грузчиками порта, чрезвычайно опытными. Малыши во всем уступают старшим, оставляют им десерт, слушаются их.

Педерастия свирепствует в их среде, и ревность дает повод к самым ужасным расправам.

Те, которые не были испорчены, когда поступили, неизбежно развращаются к моменту освобождения».

Я мог бы привести и другие свидетельства. К чему? Ни один директор, ни один воспитатель, ни один надзиратель не решатся меня оспаривать.

Все эти служащие, если у них и имеются самые благие намерения, бессильны перед системой, которая в корне неправильна.

Непосредственный надзор за детьми поручен надзирателям, почти всегда полуграмотным. Все их профессиональное образование сводится к умению запереть двери или избить негодяев. Они вносят присущий им дух военной дисциплины. Воспитанники для них—дикие звери, которых надо укрощать, оберегая себя от укусов.

Но дети, проклятые от рождения, будут завтра взрослыми. Самые справедливые из них будут особенно остро чувствовать несправедливость своей участи и особенно резко ею возмущаться.

Социальная несправедливость, жертвой которой они являются, слишком велика, слишком длительна; пора заявить о ней во всеуслышание.

Для ее исправления закон 1912 года ввел детские суды; невинные дети не будут больше наказаны, их не будут развращать в соприкосновении с пороком, их отдадут патронажам, которые поместят их в семье.

Какой позорный палиатив.

Закон ассигнует патронажам 2 фр. 50 сант. в день на ребенка; семья, которая рассматривает ребенка, как работника, в свою очередь вносит в патронаж часть заработка ребенка.

Професор Бартельми приводит пример:

«Крестьянин берет на свое попечение тридцать детей. Он размещает их у земледельцев. Они остаются там и работают или удирают и бродяжничают по дорогам,—это безразлично. Наш крестьянин, уполномоченный судом, получает 2 фр. 50 сант. в месяц, нисколько не заботясь о судьбе своих тридцати питомцев».

И уважаемый декан парижского юридического факультета добавляет:

«Крупные патронажи имеют тысячи детей на своем попечении. Они получают сотни тысяч франков за несуществующую работу и мечтают, не понимая всего комизма своей роли, построить новые исправительные заведения взамен тех, которые вследствие всего их строя должны быть уничтожены.

Ни исправительных домов, ни патронажей.

Государство должно выполнить двойной долг: долг справедливости и социального предвидения.

Дети, морально или материально заброшенные, принадлежат ему; оно — их опекун, оно называет их «своими питомцами», оно должно воспитывать их достойно, не в тюрьмах, а в школах.

Я знаю, что названия «исправительные дома» стерты с ворот. Теперь надо срыть и самые стены.

Я не имею претензии одним ударом разрешить столь трудную проблему. Но надо устроить настоящие профессиональные школы, включающие среднее образование, заменить надзорателей учителями или заведующими мастерской, надо дать этим несчастным малышам, которые ни в чем не повинны, мягкую дисциплину и комфортабельный режим наших лицеев.

Кредиты, необходимые для уничтожения каторги, будут брошены на ветер, если не будут в то же время найдены другие кредиты для упразднения школы каторги.

ДОКУМЕНТЫ

I

Монпелье, 6/ix 1924 г.

Милостивый Государь.

Я с интересом слежу за Вашими корреспонденциями об Эйской колонии.

Я прожил семь лет в этом заведении. Наши окна выходили на территорию исправительного дома. Как сейчас вижу эти треугольные дворы, радиусами расходящиеся вокруг маленького здания, откуда надзиратель наблюдал два раза в день за прогулкой детей; я все еще слышу песни колонистов в камерах, звон ручных кандалов и железа, когда кто-нибудь из непокорных дубасил кулаками в стену, чтобы вырваться на свободу, и на крики приходил надзиратель и принимался их лупить.

В основе так называемого исправительного воспитания лежат три серьезных дефекта:

1. Отсутствие грани между теми, кого можно и должно спасти, и закоренелыми преступниками.

2. Низкий интеллектуальный и моральный уровень наблюдательного и административного персонала.

3. Пустота и ограниченность предлагаемого воспитания.

Персонал — жалкий. До войны они получали 1.100 франков и кончали 1.600. В любой профессии они могли бы зарабатывать свой хлеб с меньшим трудом и с меньшими опасностями. Нередко они невежественны, я знаю даже неграмотных. Колонисты не только ненавидят их, но и презирают. Они находят их часто похожими на себя, грубыми и невежественными. Количество кандидатов огромно — надзиратели, полицейские и жандармы — в кандидатах нет недостатка. Справьтесь в министерстве, среди них нередко встречаются и пьяницы. Колонисты издеваются над этими неудачниками, не далеко ушедшими от них в своей примитивности. Они не имеют никакого морального авторитета и часто прибегают к превосходству, которое дает им их мускулатура. Я не скажу, чтобы они всегда были правы.

Большая ошибка: они обращаются с колонистами на ты, начальство также, и от этого теряют в значительной мере свой авторитет. Колонист — человек, иногда с червоточинкой, но все же человек. Они лишены всякого морального воздействия. Они стоят целыми часами, прикованные к своему посту без всякого дела. Мастер — тот выполняет полезную работу, учит воспитанника, возвышается над его средой, может воздействовать на него. Простой надзиратель остается тюремщиком.

Административный персонал тоже немногого стоит. Большинство — из старых унтер-офицеров, из отстав-

ных плац-майоров. Для них это — рай земной. Помимо пенсии, они получают жалованье в 6—7 тысяч франков, часто казенную квартиру. Они сдают в корпусе легкий экзамен. Из них вырабатываются исправные канцеляристы. В конце концов они умеют составить штатные ведомости, постигают механизм бухгалтерии, не отличающейся ясностью. Сверх того два раза в день, по часу, они занимаются с воспитанниками, как в начальной школе. Они справляются как умеют. Их культура, их жизненный опыт, вы сами понимаете, это — казарма. Они не умеют разговаривать с этой молодежью. Они обращаются с нею как с мальчиками, между тем как они имеют дело с людьми, более опытными, чем они сами. Они дают им уроки, как в начальной школе. Воспитанники забавляются их педагогической неопытностью и смотрят на урок, как на кинематографическое представление.

Директор — комический персонаж, проведший всю жизнь за цифровыми выкладками и составлением отчетов. Несколько учителей министерских школ, которые многое забыли и малому научились. Некоторые из них — юристы; таких немного. Я знаю двух интеллигентных директоров: один даже выдающийся, прекрасно образованный, — г-н Бартлес; другой — из учителей, лицензиат-юрист, весьма гордый своим авторитетом, г-н Робер.

Я знал одного среди них бывшего коммивояжера, продававшего пуговицы для ботинок, другого из надзи-

рателей, еще одного надзирателя, достигшего с помощью каких-то политических влияний, высших степеней. Это — мелкие деспоты, материально недурно устроившиеся; у них есть сад, бесплатный труд колонистов, даже для домашних услуг, что составляет некоторую экономию. Я знаю одного, который пользуется экипажем колонии для своих личных надобностей.

Словом, редко встречаются ценные люди с солидным образованием и попавшие в администрацию по конкурсу.

Я знаю одного — г-на Рено в Монпелье — прекрасного латиниста, помимо всего прочего. Но это большая редкость...

Обыкновенно это — администраторы, застывшие в рутине, отнюдь не воспитатели. Чтобы импонировать заключенным, чтобы разговаривать с ними, пробуждать в них искру совести, формировать их ум, приоткрыть им достойную, трудовую жизнь, нужны люди совсем иного склада, усвоившие настоящую, общую и... юридическую культуру. Поциальному парадоксу, с 1910 года исправительное ведомство причислено к министерству юстиции, но никогда ни прокурор республики, ни председатели трибуналов не интересуются тем, как применяется наказание и какие получаются результаты. Нет никакой связи между судьей, который приговаривает к заключению, и исправителем, который должен был бы воспитывать и поднимать личность преступника.

Другой бич: бесхозяйственность и воровство. Начальство пользуется дешевизной колониального труда. Мебель, обувь, даже одежда изготавливаются в мастерских, предназначенных для других целей.

Если бы здесь только использовался дешевый труд, куда ни шло. Но наблюдается и воровство. Кладовая слишком часто обслуживает стол эконома. Сделайте опыт. Зайдите без предупреждения в квартиру старого исправительника, и это будет необыкновенный случай, если вы не найдете там стульев, постелей, одеял в несколько домашнем стиле.

Каким образом, скажете вы, эти злоупотребления не караются? Ревизии бывают иногда, но ревизоры по административной части часто сменяются. Они переходят от благотворительных учреждений к исправительным колониям, не имея времени войти в дело. Некоторые из них—папенькины сыночки—доктора прав, быть может, но круглые невежды. Они видят то, что им хотят показать. Часто они не умеют проверить бухгалтерских книг, в хозяйстве и подавно не могут разобраться. В производственной колонии, как Аниан, кроме книг, куда вносятся поступающие сырье материалы (дерево, железо, сукно и пр.) и исходящие продукты (изготавливаемые в мастерских инструменты, одежда, обувь), ведутся книги, учитывающие процесс переработки, использование сырых материалов. Здесь-то и скрываются злоупотребления, бесхозяйственность, а иногда

и растраты. Это знаменитый 21 разряд. Поступит 10 кило кожи. Выходит 4 кило обуви. 6 — 7 кило отнесены на счет «отбросов». Разумеется, неизбежно, что в колонии, которая является своего рода профессиональной школой, бывает много отбросов, но часто под ними скрывается нелегальное производство. Финансовый ревизор мог бы разобраться в этих дебрях, но необходим важный повод, какой-нибудь донос для назначения финансовой ревизии. Я знаю одну, которая окончилась увольнением эконома. Но этот господин, который грешил небрежностью (я верю этому) и который недостаточно следил за кладовой съестных припасов, имел влиятельные связи. Его увольнение, уже подписанное, было отменено, и теперь он — начальник большой центральной тюрьмы.

Вспомните скандал с г-жей Ж., женой директора, которая, будучи матерью 8 или 10 детей, дарила своей благосклонностью одного колониста в Дуэрэ, близ Жайер (деп. Эры). Этот колонист воровал в кладовой мешки с зерном или с картошкой, бросал их через стену колонии, а по ту сторону ограды хлебный торговец из Гайона накладывал их на воз. Г-жа Ж... получала милые записки в ответ на свои любезности. Она была приговорена лувьерским трибуналом к 7 годам тюрьмы. Тем не менее ее муж был назначен директором нового заведения, основанного в Сэнт-А., оттуда перешел в Эйс, где и умер.

Я перехожу к 3 пункту. Здесь вы наблюдали достаточно. Чему учат заключенных? Всяким ремеслам, но ни одному, которое давало бы возможность жить.

В Эйсе фабрикуют только сетки для лошадей. Сетки 1 и 2 (я знаю этот жаргон) это — мастерские для наказанных, но там есть всякого рода мастерские и ферма.

В Аниане колония имеет виноградник (это винодельческий округ), ее экономическое положение очень интересно.

Колония сама производит свой свет и энергию. Ее динамо приводится в движение газовым двигателем. Есть мастерские: слесарная, медная, портняжная, столярная. Там изготавливают телеги, сельскохозяйственные орудия, котлы, одежду (гимнастерки, патасские костюмы для выпускаемых на волю), сапоги для армии. Разумеется, грехи случаются. Колонисты-ученики, которые мало стараются чему-нибудь научиться, слишком склонны портить инструмент, который они куют, изготавливать потихоньку зажигалки и маленькие пистолеты. Наконец, у воспитанников нет определенного задания.

Когда их выпустят на свободу, ни один хозяин не станет держать их. По правде говоря, они не заинтересованы в труде, они имеют хорошие отметки, почетную доску, и это дает им лишнее блюдо, дополнительную четверть вина или смехотворное вознаграждение. Им следует платить прилично, как платят

//
работающим ученикам, принимая в расчет издержки на их содержание.

С другой стороны, не заботятся о том, чтобы научить их какому-нибудь ремеслу в совершенстве. Если в течение нескольких месяцев они ведут себя хорошо, им дают место. Это — экономия для государства, но экономия ложная, так как обращается во вред обществу. Это — ошибка и вредное дело. Ошибка потому, что из воспитанника делают деклассированное существо. Он начинал привыкать, как следует, к рубанку или сапожному резаку, а его отдают все равно куда: к крестьянину, виноделу или в булочную. Вредное дело потому, что это настоящий рабский труд, предоставляемый частным лицам, и недобросовестная конкуренция по отношению к свободному труду.

Вот наступает сбор винограда. Анианская колония отпускает часть своего наиболее послушного населения. Они возвращаются в колонию ночевать. Земледелец их кормит, но не дает им приличной платы. Если они получают постоянное место,—то же самое. Они работают за недостаточную плату, которая идет в их фонд. Колония нередко обувает и одевает их. Печальное злоупотребление, потому что наемный договор говорит, что содержание их всецело ложится на хозяина. С другой стороны, всякая связь с ними утеривается. Результат тот, что через несколько недель или месяцев хорошего поведения

в доме хозяина они убегают, унося одежду, а нередко и обкрадывая хозяина. Работающие на воле помогают побегам своих товарищей.

Другой недостаток исправительного воспитания. Как только им исполнилось двадцать лет, они идут на военную службу или, если они освобождаются от нее по какой-нибудь статье, их отсылают домой. Им навьючивают на спину мешок с новой одеждой, суют в карман их скучный капитал, дают билет до Марселя, до Парижа и т. д.—и с богом, иди ко всем чертям.

Несколько недель спустя они дают себя арестовать. Не заботятся о том, чтобы дать им место, а главное, о том, чтобы следить за ними, ободрить их; как только переступили за порог колонии, о них не беспокоятся вплоть до центральной тюрьмы, где они рано или поздно находят приют.

Было бы страшно любопытно иметь статистику «центральников и каторжников», получивших воспитание в Аниане, Эйсе и т. д., и особенно отметить в двух столбцах против графы их происхождение даты выхода из колонии и поступления в центральную тюрьму. Вот была бы назидательная таблица. Устроить их на места? Да. Для этого существуют попечительства. В них сидят величайшие бездельники на свете. Эти заведения имеют директоров, которые получают орденскую ленточку за несуществующие заслуги. Какое доверие вы можете внушить про-

мышленнику, горячо рекомендуя ему бывшего воспитанника из Эйса или Аниана? Этим самым вы уже навлекаете подозрение на несчастного, даже если он исправился.

Еще худшая ошибка. Юношу, сидевшего взаперти, вы посыпаете в Париж, где он жаждет воспользоваться своей свободой в той самой среде, где его изловили. Он найдет там ту же атмосферу нужды и порока, те же искушения, те же опасные связи. У него нет ремесла или же он плохо владеет тем, которому его обучали. У него нет достаточных средств, чтобы дожидаться места. Результат: он станет сутенером, каким был, и снова погибнет.

Что делать?

Отделять тотчас по прибытии детей несчастных и совсем невинных жертв вырождения от преступников или апашей, уже показавших себя; изолировать их, и для каждой категории установить особый режим.

Поднять умственный и нравственный уровень надзирателей, воспитать их самих, показать им, в чем состоит их роль воспитателя, привлечь их к общей работе. Не все они—звери... Среди них есть отцы семейств, честные люди в частной жизни, которые воспитывают своих детей. Они поймут.

Требовать от административного персонала хорошего общего и юридического образования. Требовать диплома юридического факультета, свидетельства

о занятиях криминалистикой и приглашать только по конкурсу. Отстранить всех старых унтер-офицеров.

Установить связь с главным прокурором республики и с председателем трибуналов.

Давать воспитанникам на ряду с физическим воспитанием не только элементарное образование, но и правильно понятое внешкольное обучение, заинтересовать их при помощи лекций с фонарем, научными открытиями, событиями всемирной истории, ввести их в искусство, наконец, говорить с ними как с людьми, облагородить их ум и сердце.

II

Нант, 13 октября.

Господин Рубо!

Позвольте тому, кто говорит с вами, сохранить строгую анонимность по вполне уважительной причине. Я № 2206 по спискам белильской колонии, я провел в ней пять лет, я страдал. Нас было в семье шесть человек. Однажды я, чтобы поесть, украл; мне было 14 лет; меня поймали, приговорили до совершеннолетия. Я пошел добровольно в армию, началась война. Три раза ранен. Нашивки капитана. Крест Почетного Легиона. В настоящее время я занимаю место торгового директора в одном из самых крупных производств в Нанте. Вот что заставляет

меня умолчать о моем имени. Но, по своему прошлому, я тоже вправе говорить об этой детской каторге.

Прежде всего при современной исправительной системе невозможно исправление ни одного ребенка. Почему?.. Потому, что некому смотреть за этими детьми... некому сказать им о том, что дурно... некому говорить им о будущем... Некому подготовить их к жизни здоровых и честных людей...

И поверьте мне... дети при своем строптивом характере легко позволили бы влиять на себя, если бы перед ними была перспектива когда-нибудь по выходе на свободу найти счастье в труде.

Но нет. Во время их пребывания там «надзиратели» (о, ненавистные слова... для детей!), надзиратели необразованные, грубые звери, нужно признать это, беспрестанно напоминают им своими речами, своими поступками, что эти дети, что бы они ни делали, навсегда останутся париями, проклятыми. Вот что ожесточает ребенка, вот что убивает добрые чувства: духовный уровень надзирателей.

Поверьте мне, в этом все дело: в моральном перевоспитании надзирателя.

Пусть назначают на эти места в качестве воспитателей людей, имеющих сердце, способных приобрести расположение детей.

Скольких из них можно было бы за короткое время спасти окончательно.

Есть и учителя, но измотавшиеся за целый день работы... Что они могут сделать вечером за час или два! Детям нужен надежный руководитель, решившийся их спасти, апостол. Какой для него открывается благодарный труд!

Вы были в Белиле, и никто не говорил вам о дядюшке Черепе... О, я прошу вас: расскажите о нем в одной из ваших статей. Что такое был дядюшка Череп? Учитель музыки в колонии. Никто никогда не называл его иначе, как дядюшкой Черепом.

Он тоже был «надзирателем», но у него было доброе сердце и ум. Для нас он стал отцом.

Его безвестный подвиг был огромен. Сколько детей за его долгую, более чем двадцатипятилетнюю службу прошло через его руки.

Своей добротой, своим характером он всем без исключения умел внушить желание стать когда-нибудь человеком. Его доброта имела дар пробуждать в наших детских сердцах самые сладостные надежды.

— Музыкант, — говорил он нам, — найдет себе место во всех условиях жизни...

Какое мужество, какая ревность, какие надежды! И как полезны были для общества результаты его работы. Сколько детей обязаны ему своим положением. Какая красноречивая статистика — эти сотни детей, воспитанные им, которые теперь уже отцы семейств, занимают нормальное положение в обществе. Тысячи

других, попавших под иго «надзирателя», влачат жалкое существование или наполняют тюрьмы и каторгу.

Дядюшка Череп был апостолом. Лично я, если мне удалось создать себе положение в армии и в жизни, этим я обязан дядюшке Черепу.

Нужно говорить о нем, он этого заслуживает. Нужно поставить его в пример.

Верьте мне, единственная возможность давать обществу не ожесточенных никчемных бунтовщиков, а настоящих людей—прогнать «надзирателей» и заменить их воспитателями.

Пусть услышат ваши слова. Пусть громкий голос достигнет этого результата.

Сделайте из моего письма то употребление, какое найдете нужным, включая и мой № 2206, который будет достаточным, я полагаю.

III

КЛАССНОЕ СОЧИНЕНИЕ В ДУЛЛАНЕ.

Пятница, 13 апреля 1923 г.

План.

Некоторые из ваших подруг огорчили вашего директора. Несколько дней он не показывался к вам, и вы боитесь, что он от вас уйдет. Вы ему напишите.

Развитие темы.

Господин Директор.

Имею честь писать Вам, чтобы сказать Вам, как мои подруги и я страдаем от мысли, что некоторые из нас Вас огорчили. Но теперь они очень сожалеют об этом. То, что было сказано, не имело дурного смысла. Они сознают также, как тяжело лишиться Ваших посещений, которые нам так дороги.

Когда мы случайно встречаем Вас, мы с трудом останавливаемся и кланяемся. Нам хотелось бы, как прежде, побежать к Вам навстречу и сказать: «Здравствуйте, Господин Директор». Мы заметили также, что Вы печальны, и все это из-за нас. О, Господин Директор, простите нас. Мы раскаиваемся. Мы просим Вас не оставлять нас. Что мы будем делать без Вас; мы почти все не можем рассчитывать на наших родителей, Вы — наш отец.

Господин Директор, мы сделаем все, чтобы загладить нашу вину, и мы будем также хорошо вести себя, получив Ваше прощение. В мастерской мы больше не разговариваем, мы работаем как можно лучше и всюду, куда мы идем, мы соблюдаем дисциплину.

О₂ Господин Директор, вернитесь. Не оставляйте нас. Мы не просим у вас отменить наказание, но

только вернитесь к нам. Ах, какая радость будет в тот день, когда Вы нас простите, и мы будем Вам за это благодарны, зная, что Вы больше не мучитесь из-за нас. Мы сделаем все, что в наших силах, и мы сумеем стать хорошими девочками, которые не огорчат своего Директора, потому что любят его больше отца.

Примите, Господин Директор, заранее нашу благодарность и наш почтительный привет.

Ваши воспитанницы
младшие.

IV

ИЗ ТАЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ В КЛЕРМОНЕ

Ненет, красавица моя.

Еще один маленький подарок, чтобы доказать тебе, что твоя Жижель не перестала любить тебя. Да, моя милочка, я тебя люблю и часто думаю о тебе, хотя и не показываю этого.

Ты не хочешь мне верить, однако это правда. Ты — единственная женщина, которая нравится мне здесь, в колонии, потому что, веришь ли, моя возлюбленная девочка, ты сумела покорить мое сердце взглядом твоих прекрасных черных глаз, которые я люблю безумно.

О, моя любимая девочка, как я хотела бы ласкать тебя в своих объятиях и опьянить тебя ласками. Маленькая обожаемая куколка, как для меня сладко думать об этом счастье, но, увы, я не смею в него верить, и однако это было бы самым большим моим желанием.

Наконец, моя обожаемая брюнеточка, я надеюсь, что ты не заставишь страдать твою Жижель, потому что стоит лишь захотеть, и мы обе будем счастливы. Я не знаю, будешь ли ты со мною, я требую от тебя ответа на этот вопрос, и скажи мне, что ты думаешь. Наконец, если ты хочешь быть в сношении со мной, я согласна, хотя я лучше бы хотела жениться на тебе.

Наконец, лишь бы ты разговаривала со мной, это все, чего я прошу.

Наконец, моя любимая, я надеюсь, что ты дашь мне благоприятный ответ и что ты будешь моей обожаемой куколкой, потому что я никогда не сумею сказать тебе, как я тебя люблю, Ненет, красавица.

Расставаясь с тобой, моя ненаглядная крошка, целую твои розовые губки и покрываю тебя нежными поцелуями и безумными ласками. Отдаю тебе свое сердце в жгучем поцелуе любви.

Та, которая любит тебя.

Спи спокойно, бай, бай, моя красавица.

Анжела.

Моя маленькая Нана.

Видишь, я не забыла тебя, как ты думаешь.

О нет, моя Нана, я попрежнему люблю тебя, хотя не часто бываю с тобою.

Я не хочу, чтобы ты говорила, что я тебя бро-
саю. Ты заставляешь меня страдать. А потом ты
весь хорошо знаешь, что твоя Вейо тебя не забыла.

Знаю, тебе должно казаться странным, что я всегда с Марией, но знаешь, вот уже давно, как я не говорила о любви.

Признаюсь тебе, я чувствую, что люблю ее, но сомневаюсь в ней. Я думаю, что она любит Т.

Дорогая, я скоро буду возле тебя. Я попрошу назначить меня на уборку.

Расставаясь с тобою, нежно тебя обнимаю,

Beñ o.

II. M. B.

Знаешь ли ты, моя дорогая малышка, что я помирилась с моей Марией. Я внимательно наблюдала за ней с Т.

Мне недолго уже осталось, и мне будет грустно уходить, оставляя тебя страдать в этом доме.

Желаю тебе счастья в этом году, моя любимая дочурка. Несмотря на все муки, вынесенные ради тебя, я приношу тебе сегодня самые нежные пожелания счастья в этом году. О да, малышка, прими от своей маленькой мамы, которая всегда тебя любит, тысячи пожеланий.

Я думаю, что скоро мы будем на воле, не будем больше страдать в этом проклятом доме.

Ты, моя девочка, можешь сказать, что много мук вынесла здесь, но твоя Вомет сделает тебя счастливой и даст тебе блаженство, потому что, поверь мне, милочка, я сдержу свое обещание во всем, что я тебе говорила, потому что слишком тебя люблю... после того, что мы с тобой сделали.

Да, ты была моей первой женщиной, которую я никогда не забуду. Прежде я не знала, что такое женщина, а теперь я знаю. Доказательство то, что я тебя люблю.

Вомет.

* * *

Не знаю, передала ли тебе начальница яичко, которое я дала ей для тебя. Я взяла его и сказала ей: это для моей маленькой Тотор, которая очень больна.

Ты видишь, что твоя Рири часто думает о тебе. Благодарю тебя за твой маленький подарок, который

я получила и который доставил мне большое удовольствие, моя маленькая, святая, бедная крошка. Ты ватерпишься еще страданий в своей жизни. Я страдала. Это был ужас, когда я была молода и приходилось ночью спать в коридоре, а было не очень-то тепло.

Но, моя маленькая красавица, когда мы выйдем отсюда, мы будем обе очень счастливы, особенно с тобой, с которой мы вместе страдали, и ничто не будет разделять нас, как в этом проклятом доме.

И подумать, что нужно было прийти сюда, чтобы быть вместе, провести, обнявшись, дивную ночь. Однако мы были очень утомлены с дороги, и я отдалась в эту ночь любви, как и ты. Этого я никогда не смогу забыть, потому что для меня это мое самое счастливое воспоминание.

Я буду так счастлива, как и мамочка, которой я причинила столько горя. Бедняжка, если бы она знала, когда я выйду отсюда, что я покину ее вторично. Какое это будет для нее горе.

Рири.

СОДЕРЖАНИЕ

Стран.

Э Й С

У меня четыре приятеля	9
Сетки	16
Суд	21
Тюремные портреты	27

А Н И А Н

Анан	37
Кровь в мастерских	43
Певчие	46
«Трудно остаться честным»	47

Б Е Л И ЛЬ

Красное солнце, наполовину погруженное в море	51
Фемистокл правит бал	56
Кутанзо недоволен	61
Тома был обжора	62
«Песок» и «вода»	63
«Копмас» и «линек»	64
Геноле болтал в дортуаре	65
Я плохо рассказал историю «Дариена»	66
Я извиняюсь перед г-ном Маркет	67
Мой приятель Кутанзо	—
«Девка»	68

Стран.

КЛЕРМОН

Башня падших девушек	77
«Записки»	83

ДУЛЛЕН

Г-н Пупар и его малютки	91
Сто семьдесят девять сердец бились для г-на Блона . .	96
Смирительная рубашка	102

ШКОЛА КАТОРГИ

Школа каторги	111
-------------------------	-----

ДОКУМЕНТЫ

Письмо первое	121
Письмо второе	131
Классное сочинение в Дуллане	134
Из тайной переписки в Клермоне	136

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Конча Эспина—Металл мертвых. Ром. Пер. Т. Н. Герценштейн.

Ее же—Красная чаша. Роман. Пер. В. В. Рахманова.

Клара Фибих—Страдание. Ром. Пер. Г. И. Гордона.

Иоган Бойер—Великий голод. Ром. Пер. В. Харламовой и Н. Ледерле.

М. Андерсен-Нексе—Дети будущего. Расск. Пер. под ред. Н. Н. Шульговского.

Як. Вассерман—Лаудин и его семья. Пер. под ред. Э. К. Пименовой.

Луи Рубо—Дети Каина. Пер. О. К. Нечаевой.

А. де Ренье—Встреча. Ром. Пер. М. Н. Зигомала.

Г. Герман—Одним летом. Ром. Пер. И. Е. Хородчинской.
Марсель Роллан—Осман-Омолодитель. Роман. Перевод В. В. Рахманова.

Дж. Гэлсуорси—Фарисеи. Ром. Пер. Э. К. Пименовой.
Его же—Белая обезьяна. Ром. Пер. Н. Д. Вольпин.

Шервуд Андерсен—Мрачный смех. Роман. Перевод О. К. Булановой.

Фанни Хёрст—Манекен. Ром. Пер. Л. М. Гаусман.
Анри Барбюс—По ту сторону. Повесть. Пер. Ю. Н. Султановой.

Морис Женевуа—Кролик. (Ром., удост. Гонкур. премии)
Пер. С. А. Адрианова.

Дюфо и Дариус—Развратители. Ром. Пер. Т. А. Богданович.

Дж. Ол. Кэрвуд—Золотая петля. Пер. М. П. Чехова.

Его же—Сын Казана. Пер. М. П. Чехова.

Его же—Цветок севера. Пер. Зин. Львовского.

Его же—Скованные льдом сердца. Пер. Т. А. Богданович.

Его же—Старая дорога. Пер. А. М. Карнауховой.

Ридг. Кэллэм Ночные наездники. Пер. Э. К. Пименовой.

Густ. Гейерстам—Тора. Ром. Пер. М. В. Ватсон.

Карин Михаэлсс.—Женщина, тимя тебе—Любовь. Ром.
Пер. В. Харламовой и Н. Ледерле.

Симон-Майер.—В Новой Кaledонии (Воспоминания коммунара). Пер. Л. С. Савельева.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
СТЕФАНА ЖЕРОМСКОГО
в 10 томах, пер. Евг. Троповского
(при участии М. Н. Троповской)

1. Сизифов труд, повесть	1 р. 25 к.
2. Светлый луч, роман	— „ 75 „
3. Бездомные, роман	1 „ 50 „
4. Пепел, роман	— „ — „
5. История греха, роман	2 „ 50 „
6. Шум пропеллера, роман	— „ — „
7. Верная река, роман	1 „ 25 „
8. Распутица, роман	1 „ 75 „
9. Откровение любви, роман	1 „ 50 „
10. Вчера и сегодня, рассказы	— „ — „

7
5

13

М Г Ф У

Л

Банк

